

Джоке Рогоул

Сърдце

Господина

Сердце Господина 1–6 главы

Сказки разные нужны, сказки разные важны...

Только когда однажды, заснув в своей квартире, проснулась в сказочном мире, я не прыгала от счастья. А после знакомства с грозным хозяином этих волшебных земель сникла совсем.

Моё появление он воспринял, как личную угрозу, поэтому и приказал убить.

От автора: ред. Olga Kostenko

Сердце Господина

Алекс Регул

Никогда не думала, что меня можно вывести из равновесия до такой степени. Я шла по парку и едва сдерживала эмоции. Обида душила, и не было сил противостоять ей. Хотелось просто тупо плакать. А лучше рыдать. Но слёзы свои я подавляла. Мне было стыдно за своё состояние и я, в надежде укрыться от совершенно посторонних людей, сошла с аллеи и побрела по нетоптаной земле парка.

Под моими ногами хрустели сухие веточки. Листики, которые ещё не успели истлеть, словно мягкая подстилка, тихо шуршали. А я всё дальше и дальше удалялась вглубь парка. Когда вокруг совсем не осталось прохожих, оперлась спиной о большое старое дерево и тихо, чтобы не спугнуть уединённость момента, заплакала. Слёзы катились по щекам. Их я даже не вытирала. И дело не в том, что могла размазать тушь или ещё как-то испортить свою внешность. Нет. Мне хотелось не скрывать слезы от леса. Пусть катятся солёные капли по щекам и с высоты моего среднего роста падают на землю.

Но слёзы на землю не падали. Скользили по щекам. Шее. И пропитывали ворот моей блузки.

Из-за чего я расстроилась?

Да, в общем-то, не из-за чего. Пустяки. Редактор забраковал мой новый роман и порекомендовал писать истории менее похожие на сказки.

Сказки...

А кому мешают сказки?

Да, я писала так, чтобы моим героиням встречались современные Принцы. И пусть не все они были богаты и безумно красивы, но все они благородны, честны и чисты помыслами и поступками.

— Да поймите, Алла Аркадьевна, — убеждала меня Кирина Ольга Львовна (мой редактор), — Таких мужчин не бывает! Это уж очень неправдоподобно! Читатель это сразу понимает. И Ваши книги кажутся, по крайней мере, наивными.

— Я знаю, — робко защищалась я, — таких мужчин не бывает. Но ведь так хочется, чтобы были.

Я посмотрела в глаза этой мудрой женщине. А там грусть, тоска. Она перестала верить в сказки и от жизни ничего уже «Такого!» не ждала. И тут прихожу я. С очередным своим «творением», которое, естественно, её начинает раздражать. Как будто я украла последнего Принца, запихнула его в свою книгу и вот пришла, хвастаюсь. Что, потеряли Принца? А вот

он, у меня в истории, посмотрите!

И редактор злится. И редактор возвращает мне текст моей новой книги и просит в следующий раз беспокоить её, только если стиль моего письма изменится.

Не изменится.

Уж лучше я совсем не буду писать, чем писать про обычных мужчин.

Нет, ну может, большинству женщин и везёт с этими самими обычными мужчинами, но только не мне. Замужем я была два раза. Первый муж ушёл от меня. Второго я сама бросила.

Первый ушёл к женщине, которая была его первой любовью. Наверное, я должна была понять и простить его? Я долго думала... так и поступила. Я его отпустила.

А вот со вторым мужем была страшнее беда. Он пил и бил. Пошло. Грустно. Не смешно. Да, в общем-то, за него я пошла замуж «скоропостижно». Так сказать, чтобы послекусие первого брака перебить. Мол, смотри, бывший муженек, я интересная молодая женщина, которая одна не останется. И вот я выскочила второй раз замуж, не совсем разобравшись «ху из ху» мой новый супруг. В результате едва унесла ноги. Нет, вначале я приживалась к его странной манере пьяного досуга. Но когда тенденция к рукоприкладству стала нарастать, я приложила все силы и выскользнула из уз брака.

Не без потерь.

Горько. Больно...

Всё равно! — сказала я себе. И уже не поднимая так высоко голову, как раньше, побрела по жизни дальше.

Как говорится, «Эту боль, перетерпев, я любить не перестала». И продолжила искать счастье. Сменила нескольких любовников. Однако на данный момент ни с кем не встречаюсь.

Если честно, устала. Ложь. Тоска и пустота.

Одним я была не нужна. Другие мне.

Вот как-то так я и дожила до тридцати с хвостиком лет.

Мама меня периодически нравоучениями совершенствует. Папа просто жалеет.

Наверное, я непутёвая.

Но хочется мне верить, что где-то там, всё же, есть он — мой заблудившийся Принц. Он найдёт ко мне дорогу когда-нибудь. Когда-нибудь...

Хотя последние три года я даже не давала возможности себя найти. Работа — дом. Дом — работа. По клубам не хожу. Уже не тот возраст. К тому же городок наш не блещет подобными увеселительными заведениями. Да и рестораны, кафе — тоже вряд ли место поиска Принцев.

И лёжа на пляжУ, я тоже не жу-жу.

Короче, как говорит моя подруга Зося:

— Алка! Ты сама себе противоречишь! Мужиков игнорируешь, а сама всё какого-то Прынца ждёшь! А как узнать, что это не вон тот красавчик? — она указала на парнишку из доставки пиццы, что пробежал по коридору мимо нашего кабинета. — Правильно, никак! В этом случае и придумали с незапамятных времён, такой простой выход — знакомство! Понимаешь, о чём я говорю?

— Не хочу. Хватит. Надоело.

— Напрасно ты так! — усмехнулась подруга, — Принца в нашем возрасте не дожидаться. А вот бездарно профукать последние годы своей привлекательности и конкурентоспособности можно запросто! Я на такие глупости не согласна! Так что думай,

пойдёшь в пятницу с нами в клуб или будешь всякой фигнёй у монитора страдать?

Про «фигню» — это Зося так называет мои потуги к книгописанию. Она, пожалуй, единственный человек, который знает, что я пишу. Нет. Не так. Она единственный человек из моего окружения, который знает, что я пишу книги. Есть, конечно, ещё редактор. И интернет читатели, но последние меня знают под псевдонимом.

Живу я отдельно от родителей. Поэтому, чем занимается по ночам их чадо, родители имеют смутное представление. И боясь их разочаровать, умалчиваю, что вместо того, чтобы налаживать свою раздолбанную лично-интимную жизнь, я занимаюсь написанием современных сказок.

И нет у меня ни личной, ни интимной жизни.

Просто любовника, или как сейчас модно говорить «интимного друга», мне неинтересно заводить. Физиологические мои потребности в нём настолько малы, что овчинка выделки не стоит. Искать друга по интересам — ещё проблематичней. Согласитесь, сложно найти мужчину, которого способна привлечь женщина совершенно равнодушная к спорту, автомобилям, кулинарии, путешествиям, шмоткам...

В общем-то, женщина равнодушная ко всему.

Я фригидная по всем направлениям. Ни секс, ни джаз, ни бокс. Ничего...

Вот только написание текстов. Таких несовременных. Таких нереальных. В которых мужчины почти с первых страниц завораживают женщин и влюбляют в себя.

Исходя из моего досуга, за последние два года я сменила несколько таких персонажей. Так что романов у меня побольше, чем у Зоси. И пусть мои романы всего лишь на бумаге, так сказать, вымышленные, зато романы я крутила с настоящими Мужчинами. С достойными. Естественно, с красивыми, добрыми и умными. Плюс ко всему они у меня были порядочные. Во всём. От любого из них хотелось родить ребёнка. Может даже нескольких. И была уверенность, что мужчина не бросит, не предаст.

Но вот чего-чего, а романтических склонностей ни у одного из моих героев не было. Никто из них не восхвалял стихами любимую женщину. Не дарил звезду, нетленный свет которой озарял бы путь в бесконечность. Но я думаю, за редчайшим исключением, женщина всё же простит своему мужчине полное отсутствие романтики, если взамен он будет её не только любить, но и уважать, и оберегать.

И всё же мой редактор узрел в текстах наивность присущую сказкам.

А разве я похожа на сказочницу?

Во всяком случае, внешне точно нет.

В этом плане я была, как мой рост. Средние показания. Вес такой же. Не худая, но и не шибко стройная. Не кривая, не косая. Но на подиум не звали.

Глаза голубые.

Волосы тёмно-русые, прямые. Длина их средняя.

Скажете, что так внешность описывают только дознаватели в протоколах? Ну, хорошо:

«Её глаза были цвета пленяющей бездны океана. Они истомно манили в мир бесконечного удовольствия. И многим мужчинам, на кого она лишь раз взглянула, неудержимо хотелось прикоснуться к её плечам. Чтобы притянуть к себе вплотную и насладиться этой близостью. Наслаждаться той нежностью, что в глазах её томилась. И рвалась наружу».

Годится?

На самом деле ничего в моих глазах не томилось. Я обыкновенная и знаю об этом.

Поскольку в противном случае, муж первый меня бы не бросил. И сейчас была бы я счастливой многодетной матерью.

Спросите, чего же тогда мужики во мне находили?

А шут их знает... Может, что во мне и было «Такое!», но видимо, я уже и сама забыла, что это такое.

Жила тихой двойной жизнью. В рабочие часы — менеджер среднего звена. В досуговые часы (обычно ночные) — автор текстов о современных Золушках.

Но вот сегодня мне захотелось выплакаться. Я стою, прижавшись спиной к дереву, и плачу. Маньяков не боюсь. Сейчас лишь середина дня. Я ещё немного постою. Пожалую себя. Потом вытру слёзы и успею вернуться с обеденного перерыва на своё рабочее место в офис. Составлю план на совещание, что будет через недельку. Потом просмотрю отчёт по продажам. Ну, и как-то так к концу рабочего дня с чувством почти удовлетворения отправлюсь домой.

Постепенно стала успокаиваться. Достала из сумочки зеркальце, влажные салфетки и привела себя в порядок. Подмигнула своему отражению и... вот тут началось.

— Круг... Круг.

Хрипло птаха издала эти звуки где-то поблизости. От испуга я вздрогнула и посмотрела в сторону этого самого «круг-круг», которое, как по заказу повторилось.

Действительно, поблизости на дереве сидела большая чёрная птица. Скорей всего, ворон. И как только наши взгляды пересеклись (а они именно пересеклись, поскольку птица смотрела мне в глаза) хрипкое «круг-круг» прозвучало вновь.

Мне стало не по себе. Буквально в прошлом году в каком-то городе вороны напали на женщину, которая вот так же, как и я, гуляла по парку и своим присутствием потревожила птиц. И хотя женщина не представляла угрозу для гнезда, вороны атаковали её. Спасти от них женщина смогла лишь бегством.

Опасно то, что птицы пикировали сверху прямо в голову женщине. Позже ей пришлось обратиться за мед. помощью. Помня всё это, я стала медленно собирать свои вещи в сумку и, поглядывая на птицу, выбираться из уединённого места парка.

Сделала несколько шагов назад. Птица один прыжок по веткам. Дистанция между нами не сократилась. Мне стало страшно. И уж чтобы совсем лишить меня здравомыслия, птица вновь издала малопонятный звук.

Не помня себя, побежала прочь. Страх делал своё дело. Выскочила на тропинку, по которой прогуливались люди и, не сбавляя скорость, пошла дальше. На часах — без пятнадцати два. Времени с запасом. Но задерживаться в парке мне больше не хотелось.

И вот когда я решила, что угроза миновала, где-то сверху прозвучало голосом ворона, что преследование продолжается.

Глава вторая

— Алла, ты чего так дышишь? — спросила Зося, заведя меня.

— Представляешь, меня ворон из парка выгнал!

— Кто?

— Ворон, птица такая. Вся чёрная. Клюв здоровый. А глаза...

Не успела я про глаза рассказать. Зося отмахнулась от меня.

— Хватит! Мужика тебе надо. Тогда и про птичьи глаза не будешь мне сказки заливать.

Я обиделась и хмыкнула:

— Я могу не рассказывать. Ты же сама меня спросила.

— Я хотела адекватный ответ получить, — сказала Зося и опять отмахнулась от меня.

— Тогда зачем у меня что-то вообще спрашиваешь? Адекватность чужда мне.

— Учту!

— Ага. Учти.

Я перечитала отчет по продажам и не найдя две позиции, позвонила в отдел сбыта. Долго с ними разговаривала, а когда заметила, что и Зося втянулась в рабочий ритм, вернулась к менее демонстративной трудовой деятельности.

Кабинет с Зосей у нас один на двоих. Раньше у каждой из нас был свой собственный, но настали тяжелые времена, пришлось потесниться. Нас слили в единое пространство и обложили дополнительными обязанностями. Некоторых сотрудников вообще сократили. Поэтому нам ещё повезло. Генеральный у нас был мужик с фантазией, поэтому фирму доводил до разорения медленным и болезненным путём. Хотя, наверное, только я так думала. Все остальные сотрудники не замечали, что происходит вокруг.

Работали мы сейчас в авральном режиме. День за два. Всё чего-то навёрстывали. Спешили, боясь не успеть в светлое будущее. Вот только слухи ходили, что в него (в светлое будущее) попадут не все. Что вновь грянут сокращения.

Когда такие слухи, как Дамоклов меч, каждый день «вжик» над головой, то любой человек нервным становится. Вот и я. Спрашивается, чего разревелась? Чего того ворона испугалась? Детский сад какой-то. Честное слово.

А виной — нервы! Нельзя, чтобы кругом проблемы. Нужно давать человеку возможность перевести дух. Сбросить с себя оковы и дать возможность упорхнуть в радужный мир. Хотя бы на миг.

— Алла! — позвала меня Зося, стоя на выходе из кабинета. — Ну, ты чего зависла? Домой идешь?

Я взглянула на часы. Действительно, шесть вечера.

— Да, конечно иду! Провались она пропадом, эта работа! — откинула я папку с отчётом и схватила сумочку. — Пошли.

Мы вышли из кабинета и уже почти подошли к лифту, как были окрикнуты Анатолием Вадимовичем. Нашим генеральным. Хотя он больше был похож на обычного директора. Возраст пятьдесят. Низенький. Пухленький. Глазки... как у того ворона. Маленькие чёрные и блестят. И тоже, чего-то хочет от меня. И голос. Не голос, а одно сплошное карканье. Только кричал — «Отчёт-отчёт!»

Вот и сейчас.

— Алла, отчёт готов?

— Конечно! — нагло врала я, не желая больше задерживаться в обществе этого не импозантного мужчины. — Завтра ровно в восемь, отчёт будет у Вас на столе.

— Точно?

— Конечно!

Я даже улыбалась. Врала, но улыбалась. Этот способ меня много раз выручал.

Отчет я сделаю. Ночью. Утром распечатаю и, возможно, даже успею его положить шефу на стол к назначенному сроку. Но всё это будет потом. Сейчас я, в компании Зоси, захожу в лифт и улыбаюсь возможности быть выше над обстоятельствами.

Но будучи выше над обстоятельствами, я поехала вниз. На первый этаж.

— Ох, и мастерица ты выкручиваться! — пихнула меня в бок подруга.

Я улыбнулась и подмигнула ей.

— Кто знает, что нас ждёт? Может, это последние деньки, когда мы с тобой работаем в одном кабинете?

— Брось эти грустные мысли! Мы ещё повоюем!

— Вот только с кем? Ты видела отчёт по продажам?

— Нет. А что там?

— А там, Зося, черным по белому — банкротство. Не сегодня. Но завтра. И даже если не завтра, то очень скоро. Фирму спасти может только чудо.

— Ты ещё скажи, что не веришь в чудо.

— И скажу. Не верю. Ничему уже не верю.

— Эй! — мне на плечо легла рука подруги, — Ты меня пугаешь. Если ты перестанешь верить в чудеса, то что тогда остаётся мне? Биться в истерике? И ждать неотвратимость Армагеддона?

Я пожала плечами и, опустив взгляд, тихо призналась:

— Извини. Сломалось во мне что-то.

— Это просто депрессия.

— Зосенька, вот только прошу, не заводи старую пластинку про необходимость половых контактов с мужиком для хорошего настроения у женщины.

— Хорошо, не буду, — снисходительно вздохнув, сказала подруга, и мы вышли из лифта.

Пересекли холл. Прошли высокие стеклянные двери и оказались на улице. Машины не было ни у меня, ни у Зоси. Лично мне было денег жалко на такую крупную покупку. А вот Зося машину принципиально не покупала. Она грезила, что её подвезёт какой-нибудь новый знакомый. Можно даже случайный. Который увидит её, всю такую сногшибательную на остановке общественного транспорта, и непременно затормозит. Выскочит из своей дорожкой (хотя, можно и не дорожкой) машины и кинется предлагать услуги извозчика.

Зося, конечно, скажет ему:

— Ах, ах! Что Вы, что Вы. Это так неожиданно! Я прям, не знаю, что Вам сказать...

Ну, и всё в таком духе. Но уговорить себя она, конечно же, позволит и осчастливит нового знакомого возможностью подвезти её до дома.

Ну, и кто из нас после этого сказочница?

Нет, не подумайте, что я Зося не люблю. Очень люблю. И буду на остановке прыгать от счастья, как мячик-попрыгун, когда Зося заметит нормальный мужик и увезёт в известном направлении. Просто пока встречаются либо озабоченные, либо маргиналы.

Мы дошли до остановки.

— Алка, я хочу, чтобы ты пошла с нами в пятницу в клуб.

— Я уже говорила, не пойду.

— У тебя ещё есть два дня, чтобы передумать.

— Нет, в клуб не пойду. Ты вспомни, что было в прошлый раз?

— А что было?

Оно и понятно, я напомнила подруге о событии трёхлетней давности. Конечно, она могла и не помнить. Но помнила я. Помнила, как напилась, и... вот тут и мой мозг дал сбой. Но кто-то к кому-то начал приставать. Скорей всего, инициатором знакомства с

симпатичным посетителем ночного клуба была всё-таки я.

Пьянею я быстро. Пьяненькая — очень смелая. В результате проснулась в гостиничном номере, обнимая того самого симпатичного из ночного клуба. Он был голый. Я тоже. Чем мы занимались ночью догадаться несложно. Несложно, но мне стыдно.

Позже оказалось, что мой новый знакомый был проездом в нашем городе по делам какой-то торговой фирмы. Он был женат. Были у него и дети.

Меня едва не стошнило, когда он отвечал на телефонный звонок жены, а сам жадно гладил шершавой ладонью мою голую задницу. Я быстренько выскользнула из постели, якобы в душ, собрала свои вещички и смылась оттуда.

Вот с тех пор и не хожу по клубам.

Из этих неприятных воспоминаний меня вырвал крик ворона. Я вздрогнула и развернулась в сторону, откуда пришёл звук. Точно. Сидит на ветке. Та или другая птица, мне без разницы. Возмущал сам факт её присутствия на дереве, рядом с остановкой, на которой стояла я.

— Зося, — я ухватила за рукав блузки подруги и стала дергать, привлекая её внимание.

— Ну, что ты делаешь? — возмутилась Зося.

— Вот такая птица меня из парка выгнала, — я почти шептала.

— Тьфу ты! Нашла, кого бояться. Она же... — но тут Зося заметила маршрутку с нужным ей номером. — Всё, пока.

Она уехала.

Я осталась стоять на остановке. Сама не знаю почему, но меня обуял страх. Именно страх был виновником того, что я буквально кинулась под колёса проезжающей машины такси.

Таксист выругал меня, но забрал с остановки.

Дома я приняла душ. Выпила чай. И вскоре забыла, как два раза за сегодняшний день убегала от птицы.

Глава третья

Пятница. Вечер. Но не ночной клуб.

Я была дома. Одна. Читала книгу.

За окном лил дождь. Небо ещё с утра затянуло свинцом. После работы быстро ушла домой. Зося грозилась приехать за мной, но я отключила телефон, и выключила свет почти во всей квартире. Сейчас спальню освещал лишь свет от торшера. Так что с улицы, окна моей квартиры, что были на третьем этаже кирпичной пятиэтажки, не выдавали присутствие хозяйки.

Вот не знаю, но почему-то в последнее время моё поведение не нравилось даже мне. Сначала эта непонятная птица. Теперь вот прячусь от подруги в собственной квартире.

Вздыхнула, поправила плед, что норовил соскользнуть с меня, и продолжила читать. Читала, а сама думала, зачем я понадобилась подруге сегодня в ночном клубе?

Не выдержала. Включила телефон и сама ей позвонила.

— Алло. Зось, один вопрос. Только скажи правду. Ты меня в клуб тянула, чтобы познакомиться с кем-то?

— Ик, мык... — юлила подруга.

Всё ясно. Для этого. Зося и правду сказать боится, и соврать не хватает смелости.

— Ясно. Дальше можешь не продолжать.

— Алла... так нам за тобой заезжать? — робко спрашивает Зося.

— Извини, но нет. У меня на сегодня действительно другие планы. Свидание.

Опять вру. Но как-то неприятно, когда вот так тебе подсовывают неизвестно кого. Мне же уже не восемнадцать. Я могу и сама приглянуться кому-нибудь. Тому, кому я захочу.

Обиделась ли я на подругу?

Нет. Но на себя да. Почему-то после этого телефонного разговора настроение моё ухудшилось окончательно. Отбросила телефон на тумбочку. Книгу читать мне тем более перехотелось.

Пошла на кухню приготовить очередную порцию чая. Но... чай так и не приготовила себе. Через четверть часа в моей руке был бокал с виски. Через полчаса другой.

Через час мне было уже настолько всё равно, что потянуло на подвиги. Я подошла к шкафу. Выбрала себе красивое платье. Обула шикарные туфли. Сделала красивую укладку. Подрисовала глазки. Выделила сигнальной губной помадой губки. Духи. Ювелирные украшения.

Готово!

Вот только куда?

К Зосе, в ночной клуб, где меня ждёт очередной ненужный мужик? Засомневалась, но только на пару секунд. Хотелось блеснуть. Показать, что я достойна того, чтобы меня хотели. Добивались. Что я ещё «О-го-го!»

А, была не была! В ночной клуб и поеду.

Накатила бокал виски на ход ноги и...

В окно кто-то постучал.

Медленно я повернулась, удивляясь глюку. Всё-таки третий этаж. За окном уже темнело. Естественно, там никого не было. Мне бы испугаться или хотя бы здраво подумать. Но куда там! Мои ноги несут меня на встречу с неизвестностью. Распахнула дверь на балкон. Вышла и начала возмущаться, ругая того, кто стучится в моё окно.

Капли дождя, крутил ветер и буквально через несколько секунд я промокла. Выругалась ещё и по этому поводу. И когда уже решила уйти с балкона, заметила шевеление у себя под ногами.

Птица!

Чёрная, большая. Мокрая. Сидит и смотрит на меня.

Конечно, я заорала от испуга. Но на птаху не кинулась. Она не улетала, и не отошла от меня. Она просто продолжает сидеть у меня на балконе. Хорошо, что хотя бы не каркает.

— Ты, что тут делаешь? — спросила я у птицы, понимая, что она не собирается меня покидать. — Дождь же идёт. Холодно. Лети домой.

Птица поёжилась. Но осталась.

— Замёрзла? Ну, заходи, ко ли пришла.

Я нагнулась, подобрала птицу и внесла её в квартиру.

Что удивительно, она меня не клюнула. Даже не вырывалась и вообще не возмущалась. Я её посадила на свой рабочий стол. Включила лампу и пошла за бокалом, чтобы подлить себе спиртного.

Птица не улетала. Перебралась под лампу и принялась сушить крылья. Я же присела в кресло и продолжила любоваться, как она приводит себя в порядок.

— Ой! — спохватилась я. — Сейчас я тебя покормлю.

Наверное, это совсем глупо, но я действительно отправилась на кухню готовить еду для своего странного гостя. Ну, и поскольку я не знала, что ворон может хотеть съесть, то выложила на большое блюдо всё, что смогла. А именно: нарезку сыра, колбасы, крошечными дольками нарезала яблоки, морковь и что-то ещё. На тот момент, пьяненькая я соображала уже не очень хорошо. Но помню, что ещё подлила себе виски в бокал и даже приготовила бокал для птицы. Но в него налила просто воды.

Мысль, что птица в моё отсутствие улетит в открытую на балкон дверь, меня не посещала. И точно, когда я вернулась, ворон продолжал сидеть на столе под лампой. Грелся.

Я поставила угощения рядом с ним и вернулась в кресло.

Угощения гостю понравились. Не все, но кое-что он всё же съел. Меня это позабавило.

— Когда ты молчишь, ты мне даже нравишься.

Ворон, как будто понял, что именно я сказала. Посмотрел на меня и сделал несколько шагов по столу. Неожиданно вспорхнул и вылетел из квартиры через открытую балконную дверь. Я даже не успела испугаться, когда он пролетел у меня над головой.

Но вот как только он улетел, у меня на душе стало совсем легко. Решив, что сегодня мне пить больше не стоит, я отставила свой бокал на блюдо с угощением. Идти в ночной клуб больше не хотелось. А вот спать очень.

Поднялась, чтобы убрать со стола, взяла в руки блюдо и замерла. На нём, сбоку от моих угощений, лежало золотое кольцо с крупным камнем почти чёрного цвета. Не понимая, что происходит, вернула блюдо обратно на стол и посмотрела по сторонам. Тишина. Даже дождь стих. Сомнения мешали мне, но я всё же, взяла кольцо. Покрутила его, повертела. Огранки нет. Клейма с номером пробы тоже. Значит не золотое.

Перевела дух. Всё-таки появление в квартире краденой вещи меня пугало. Ну, а если это бижутерия, то и не такой великий грех. Но сквозь пьяненькое сознание пробивалась мысль, что ворон — не сорока. Ворон не станет красть, что плохо лежит и блестит.

Тогда как кольцо оказалось на столе?

Его однозначно принесла птица. И, видимо, выронила, когда сушилась. Только не припоминаю, чтобы у моей птички было что-то в клюве, когда я её вносила с балкона в комнату. И на лапках тоже ничего такого не было.

Кругом загадки.

Рассудив, что ответы найду на трезвую голову, посмотрела в сторону постели. Почему-то ужасно захотелось спать. Но ещё больше примерить кольцо.

Примерила. Красиво. Даже залюбовалась камнем, что на кольце. И всё же решила снять его. Но голова у меня в конец закружилась, и сил хватило только, чтобы дойти до постели. Дошла, и упала на неё. Заснула почти мгновенно.

Глава четвёртая

Утром, когда открыла глаза, хмельная голова ещё кружилась. Поэтому я никак не могла понять, где нахожусь. В ночной клуб вроде не пошла. Значит, должна была проснуться в своей постели. Или хотя бы просто в своей квартире. Но нет. Обстановку я не угадываю.

Огромная постель. Балдахин над ней. Окна узкие, высокие. При такой высоте окон и потолки были нереально высокими. Явно не панельный дом.

Куда меня пьяное веселье занесло?

Посмотрела по сторонам. Лежу в постели одна — уже хорошо. Обутая, одетая. Тоже радуется.

Но как я сюда попала?

Ничего не помню. Нужно было выбираться. Сумочку свою не обнаружила. Соответственно, и телефон тоже. Это уже плохо. Денег на такси нет. Ключей от квартиры тоже. Придётся ехать к родителям, просить у них дубликаты ключей и деньги на оплату такси. Я как знала, маме на прошлой неделе связку ключей от своей квартиры отвезла. Вот пригодятся. Мама, конечно, мне будет долго объяснять, что такое поведение недопустимо для взрослой женщины. Я буду ей удручѐнно кивать и уверять, что это было в последний раз. Папа нальѐт мне крепкий чай, и погладит, незаметно от мамы, меня по голове своей тѐплой ладонью. Я ему грустно улыбнусь и пожму плечами. Выпью чай и буду почти счастлива. Но всё это будет потом. Сейчас нужно выбираться отсюда.

Знать бы ещё, где конкретно я нахожусь.

Встала с постели и огляделась. Размах помпезности комнаты меня, культурно выражаясь, удивлял. У хозяина дома явно были деньги, но не было здравомыслия. Столько бабла вложить, чтобы отгрохать такую спальню! Уму непостижимо...

У хозяина мания величия. Он явно себя считает голубых кровей.

Лишь бы я ему вчера несильно приглянулась. Ибо иметь подобные связи — опасно. Выпутываться из них нужно по-быстрому. Пока не успела погрязнуть.

Подошла к двери и постаралась её приоткрыть. Удивительно, но она начала жутко скрипеть. Прищурив один глаз, всё же открыла дверь и вышла в узкий длинный коридор.

Куда идти, не понятно.

Но куда-то пошла. Дошла до первого попавшегося окошка и посмотрела в него.

То, что там увидела, меня ещё больше удивило. Даже не «удивило», а шокировало.

Солнце. Пальмы. Вдалеке море.

Ужас...

Закрывает ладонью рот, чтобы сдержать крик. Ноги, как подкошенные, увлекли на пол. Присела. Сижу, а сама лихорадочно вспоминаю события прошлой ночи.

Ну не могла я за одну ночь начудить так, чтобы проснуться неизвестно где. И это «где» явно в субтропиках.

Так. Загранпаспорта у меня нет. Значит, я предположительно в районе города Сочи. Не буду голову ломать, как я сюда попала, буду искать пути возвращения домой.

Такси? Нет. Это очень дорого. Хотя, если учесть, что денег всё равно нет, то и такси нормальный вариант. Вот только захочет ли водитель везти меня на особых условиях? Деньги-то ему мои родители отдадут. Вопрос в другом. Как выйти из этого дома?

Поднялась с пола и, придерживаясь стеночки, стала продвигаться в поисках выхода. Дошла до винтовой лестницы и пошла вниз. Когда стояла у окна, то заметила, что нахожусь на уровне пятого-шестого этажа стандартной многоэтажки. И если учесть, что высота потолков в этом доме была четыре-пять метров, то проснулась я в спальне на третьем этаже. Поэтому сейчас, спускаясь вниз по лестнице, надеюсь, что смогу самостоятельно найти выход.

Лестница меня привела в узкий, плохо освѐщенный коридор. Пошла по нему. Окна, словно бойницы, узкие. Стѐкла мутные. Не понятно, на первом я этаже или ещё нужно спускаться. Но я шла. Уже более уверенно, но всё ещё оглядываясь по сторонам.

Стены в основном каменные. Прямо, видна кладка. Ещё там на третьем этаже было всё очень дорого и пафосно, а вот здесь, то ли всё находилось в процессе строительства, то ли просто такой стиль минимализма. Стены не оштукатурены, пол без плитки. Окна без

занавесок. Ну, точно стройка. Хотя... она, видимо, приостановлена, поскольку кругом пыль, паутина. И сыро.

Наверное, нужно было вернуться обратно в спальню, дозваться хозяина, или хотя бы любого человека и попросить помощи. Но я — не я, если буду искать простые способы решения проблем.

Продолжила идти.

Спустя час, так и не нашла выход.

Дом был нереальных размеров. То узкие коридоры, то большие залы, украшенные картинами с изображениями сцен царской охоты. Хотя может и не царской, но на лошадях. И одежда персонажей изображённых на картинах была уж очень старомодной. Позапрошлый век, как минимум. Мужчины, дамы, все такие... несовременные, короче.

Взглянув ещё раз на полотна, пошла дальше.

Стало удивлять, что я до сих пор никого не встретила.

Была мысль, что это гостиница. Но тогда мне должен был встретиться обслуживающий персонал. Однако его не было.

Эхо от моих шагов было. А обслуживающего персонала нет.

Шла дальше. Уже начала пугаться, но продолжала идти. Встречались мне лестницы. Узкие каменные винтовые. Парадные широкие, застеленные красными коврами.

И люстры...

Сначала я не обратила на них особого внимания, но позже у меня чуть дар речи не пропал. Они были безумно красивые, но в них не было лампочек. Свечи. Обычные восковые свечи. Я подумала, что это такая дизайнерская уловка. Но позже убедилась, освещение не электрическое. В коридорах, на стенах были факела. В залах хрустальные люстры со свечами. Сейчас всё это было в «нерабочем» состоянии, но вот ночью...

Это ж как тут вопрос с освещением решается?

Не дом, а какой-то музЭй.

И я... вся такая озирающаяся и уже уставшая от хождений.

Остановилась и начала звать на помощь.

В ответ лишь эхо.

Найти дорогу в спальню, в которой проснулась, уже не смогу. Оставалось одно. Продолжить звать людей.

Орала громко. Долго.

Но ко мне никто так и не пришёл. Присела на первое попавшееся кресло и накрыла ладонями лицо, думая, что делать дальше.

Здравые мысли меня не посетили. Голова только разболелась.

Просидела в тишине ещё немного, потом подняла глаза к потолку.

Захотелось плакать. Нормального объяснения, где я и как сюда попала, не было. А ненормальные вызывали ужас. Больше всего боялась, что сошла с ума. Что это последствия выпитого спиртного. Галлюцинации. Белочка.

Но потом меня озарило — это сон. Я сплю. И мне снится кошмар, про то, как я заблудилась в огромном старинном доме.

Эта мысль немного успокоила. Смахнула слёзы и пошла. И уже не мучилась выбором направления. Просто шла. Чтобы не было так страшно, стала напевать мотив какой-то песенки. Какой именно не скажу, поскольку не отдавала отчёт своим действиям. Напевала, а сама шла.

Вскоре вышла в комнату, в которой было пять дверей. Двери были все разные. Первая белая, высокая двухстворчатая. Вторая чёрная, низкая даже для меня. Ещё была серая, зелёная и красная.

Если честно, совершенно не хотелось мне выбирать одну из этих дверей. Сразу вспомнились все сказки связанные с таким вот выбором. Какую дверь ни выбери, за ней ждут проблемы.

Стоит ли тогда нарываться на эти самые проблемы?

Мне и без них сейчас плохо. Надеяться, что за одной из этих дверей меня ждёт выход на улицу, шансов практически нет. Что там лукавить, их нет, и не может быть!

Продолжила, не предпринимая никаких действий, осматривать комнату. Стены из серого камня. Окон нет. Потолок высокий, куполом, посередине отверстие круглой формы. Через него льётся свет в эту комнату. И ничего, кроме этих дверей в комнате не было. За моей спиной узкий коридор, по которому я пришла.

Всё. Выбора нет. Либо назад, либо в одну из этих дверей.

Я, конечно, отчаянная и могу начальству дерзить, но чтобы вот так выбирать неизвестно что, это уже перебор.

А вдруг, там за дверью, зверюга какая, или того хуже, придурок с острым топором?

Не пойду.

Сделала шаг назад. За спиной послышался шепот. Едва уловимый, но шепот. Обернулась. Никого. Только тени разбежались по стенам.

— Эй! Люди! — окрикнула я.

В ответ тишина.

Мне так и хотелось возмущённо крикнуть, что гостей так не встречают. Но я промолчала. В конце концов, я же не была гостем в привычном понимании этого слова.

Постояла ещё. И почувствовала, что за мной кто-то наблюдает.

— Значит так! — громко заговорила я, не оборачиваясь в сторону коридора, — или вы мне объясняете, что здесь происходит, или я разворачиваюсь и ухожу отсюда.

Послышалось шевеление. Сопение и шуршание. Меня сковал страх. При всей возможности я бы сейчас не смогла посмотреть, кто ко мне приближается сзади. Воздух стал тяжелее. Он стал каким-то невидимым образом передавать колебание пространства сзади меня. Я начала чувствовать, что у меня за спиной стоят несколько существ. Высокие, низкие. Они дышали и их дыхания были на разной высоте от пола. Кто-то был совсем низким. Он дышал на уровне собаки. Другие были повыше. Самый высокий шуршал на уровне двух, двух с половиной метров от пола. Великана я тоже слышала. И боялась увидеть его больше чем того, что был ростом с собаку.

— Выбирай, — хриплым голосом попросил кто-то.

Я вздрогнула. Озноб пошел по спине.

Ничего больше не соображала. Медленно пошла в сторону серой двери.

Почему именно её?

Не знаю. В конце концов, не красную же дверь мне выбирать! И не зелёную. А белую и чёрную, это уж совсем — классика жанра. Поэтому выбрала серую, самую неприметную. В цвет стен. Подошла и потянула за дверную ручку.

За спиной послышалось перешёптывание.

Обернуться?

Но дверь уже начала открываться. За ней яркий свет. Он ослепляет меня. И теперь

кроме этого света я больше ничего не вижу.

Толчком засасывает меня в этот свет, и я просыпаюсь.

Глава пятая

Прошло минут пятнадцать, а я продолжаю сидеть в своей постели. Я дома. Утро. Суббота. Сердце у меня едва не выпрыгивает из груди.

Кошмар?

Да, да... кошмар, успокаиваю себя, а сама смотрю на свою руку. Кольца нет.

Может, его и не было? Может, и про птицу мне всё приснилось?

Посмотрела на стол. Блюдо с угощением и два бокала. Мой с недопитым виски и второй с водой.

Было или не было? И если было, то, что именно? И почему я до сих пор не могу усмирить сердцебиение?

Целый день была в подвешенном состоянии.

Что-то делала по дому, стирала, готовила еду, а мыслями была там — неизвестно где. Но где была невероятно большая постель. Картины огромных размеров, как в гос. музеях. И пальмы за окном. Никогда не видела настолько реалистичный сон. Все его события, конечно, не поддаются объяснениям, но вот яркость красок очень правдоподобная.

Вечером прогулялась по магазинам. Съездила к родителям и почти успокоилась. Допоздна работала за компьютером, и около полуночи легла спать. Вот только заснула не сразу. Нет, я не боялась заснуть. Я же тогда ещё не знала, что когда проснусь, опять окажусь в уже знакомой постели огромных размеров.

Конечно, я очень бурно отреагировала, когда открыв глазки, увидела не потолок родной квартирки, а балдахин.

Выругалась. Что там скрывать, ругалась матом.

— Учтите, я не пойду больше никуда! Так и знайте! Как хотите, а больше я по вашему музею ходить не стану!

Боялась я, что у меня за спиной опять будут стоять... ну, те, кто стоял прошлой ночью. Ведь действительно было жутко страшно.

И если это всего лишь сон, то я когда-нибудь всё равно проснусь. Тогда я просто посижу здесь на кровати и вернусь домой. Без потрясений и блужданий по чужому дому.

Осталась сидеть.

Часов у меня не было. Сколько просидела — неизвестно. К тому же в отличие от прошлой ночи, сейчас на мне не красивое вечернее платье, а ночная сорочка. Я же не на приём собиралась, а просто спать! И вот сижу теперь в своей сорочке, в чужой постели и задаю два избитых вопроса:

— Кто виноват? И что делать?

А действительно, почему я опять здесь? Если предположить, что первый раз попала сюда из-за того красивого вороньего кольца, то прошлой ночью я кольцо не примеряла. Оно исчезло приблизительно в то время, когда я пьяненькая легла спать в своей квартире прошлой ночью.

Значит, перемещение не связано с кольцом.

Я уже не верила, что сплю. Не бывает таких потрясающе реалистичных снов. Я где-то в другом измерении. И у меня наверняка есть миссия, которую должна выполнить, чтобы эти перемещения прекратились. Это закон жанра. Те, кто смотрел «День сурка», меня поймут. Вот только я сейчас ничего не понимала. Мне были чужды проблемы этого дома и его обитателей. У меня у самой ситуация на грани. Фирма в шаге от банкротства. Ходят слухи, что генеральный подыскал, кому сбегать нас за копейки. Что будет с сотрудниками его интересуют в последнюю очередь. Главное для него, дожать сливки с фирмы, прикрыть свой зад и всё. Больше ничего.

Зося в открытую занимается поиском новой работы. А на меня столько работы за последние дни навалилось, что не могу голову оторвать от монитора, чтобы здраво оценить — фирма, скорее мертва, чем на плаву.

И как скажите, я должна была реагировать на ночные перемещения сюда, в этот дом? Конечно, я была, мягко говоря, не в восторге.

Но просто сидеть я долго не могла. Хотелось умыться, почистить зубы и вообще, по утрам у людей много дел. Неотложных.

— Я прошу прощение! — крикнула я в сторону двери, — Мне же и умыться надо! Или эта услуга в вашем шикарном доме гостям не предоставляется?

Мне не ответили. Подождала ещё.

— Учтите, я буду сидеть здесь! И орать! Мне не понятно для чего я появляюсь в этом доме! И если хотите, чтобы я помогла вам — помогите мне найти ответы на некоторые вопросы.

После моих слов воздух изменился. Потяжелел. Мне стало не по себе. Дозвалась. Только сама не рада этому. Но отступать некуда. Натянула на себя покрывало и прижалась спиной к подушкам. Дверь в комнату со скрипом стала медленно открываться. Больше всего я не хотела сейчас увидеть того великана, что чувствовала спиной прошлой ночью.

Мне повезло, в комнату вошел не он. Но...

Вошла обычная белая кошка, она прошлась по комнате, прыгнула на кровать и мирно присела неподалёку от моих ног. После неё в комнату вошла собака. Рыжая. Я бы сказала породы — двор-терьер, такие около мусорных баков часто крутятся. Неприметные. Породой не вышли, вот и ищут себе пропитание там, где отбросы скапливаются. Собака была чистенькая, но всё равно какая-то болезненная. И взгляд грустный. Виновато на меня посмотрела и присела у дверей.

— И как это понимать? — тихо спросила я у животных.

Нет, ответа я не ждала. Просто не могла промолчать. Они же смотрели на меня.

— Так... — начала вслух рассуждать я, — Но вы же, не единственные обитатели дома?

Собака посмотрела в сторону кошки. Кошка посмотрела на собаку. И вот тут неожиданно я услышала голос. Именно этот голос от меня прошлый раз просил выбрать дверь.

— Конечно, мы не единственные обитатели.

Хриплый голос шел со стороны дверей. Но говорила не собака. Говорил всё же человек. Судя по голосу, пожилой мужчина.

— Ты не пугайся нас. Обитателей в этом доме много. Вот только не у всех такая милая внешность, как у кошки и пса.

Я опешила. Что-либо говорить язык не поворачивался. И всё же приложив усилия, после

шока спросила:

— Где я?

— В замке Господина.

— Какого господина?

— Господина, который является хозяином этого замка.

— А имя у него есть?

— Есть. Его зовут Господин.

— Ясно. А Вас, как зовут?

— Моё имя обычно пугает. Но, как я убедился, ты необычная и бояться не станешь.

Зовут меня Палач.

Действительно, имя у него было ужасным. Собралась с силами и продолжила беседу с голосом.

— Я не вижу Вас. Голос слышу, а не пойму, в комнате Вы, или нет.

— Я в комнате. Стою около Пса. Не хотел тебя пугать, вот и воспользовался плащом Господина.

— Вы невидимы, благодаря плащу? — уточнила я.

— Да.

— Снимите его, пожалуйста.

Палач снял плащ. У двери появился крупный, горбатый мужчина. Внешность его была пугающая. Уродливая. Возможно, он был не стар, но лицо в морщинах. Взгляд тяжелый, суровый. А ладони такие огромные, что казалось, могли сломать хребет любому.

— Не бойся меня.

— Я не боюсь, — соврала я, и отвела взгляд от него. Посмотрела на кошку. — А кошку как зовут?

— Зовут Кошка. Она ничего не скажет, но помочь может. Как и Пёс.

Пёс привстал и завилял хвостиком, позволяя Палачу погладить по мохнатой рыжей морде.

— Помочь мне?

— Тебе.

— И в чём моя миссия, по-вашему?

— Ты смогла найти потайную комнату. Смогла выбрать Дверь. Значит, сможешь сердце Господина оживить.

— Что значит, сердце оживить? Влюбить в себя вашего Господина?

— Нет! Собрать сердце из осколков.

— Из каких осколков?

— Из тех, на которое оно разбилось.

— Это метафора?

— Нет. Пойдём со мной, я покажу тебе осколки.

— Осколки сердца? — настороженно спросила я.

— Да.

Ерепениться не стала. Если это цель моего пребывания здесь, я должна её выполнить и тогда без особых потрясений вернусь домой. Я уже собралась встать с постели, но вспомнила, что не совсем одета.

— Ой, а у вас одежды для меня нет?

— Возьми плащ Господина. Кроме него мне нечего тебе предложить.

Палач кинул плащ на кровать. Сейчас, когда плащ не был одет на Палаче, я его видела. Обычная потрёпанная ткань. Обычный плащ. Не понятно, с чего он обладал такой уникальной способностью.

Встала, накинула плащ на плечи. И перестала видеть себя. Ни рук, ни ног. Даже собственного носа теперь не видела.

— Иди за мной, — сказал Палач.

Пошла за ним. Вышли в коридор. Дошли до лестницы, пошли вверх по ней. Шли долго. До самого верха. Потом прошли по узкому коридору. И остановились только когда дошли до неприметной старенькой, покосившейся двери, на которой висел огромный замок.

Палач его не стал открывать ключом или ещё чем-то. Он просто вырвал его из дверей. Поистине, в нем была нечеловеческая сила. Вот так взял и вырвал замок и часть креплений. Дверь ещё больше покосилась, и скрепя, словно скуля, начала открываться.

— Проходи! — скомандовал мне Палач.

Я вошла вслед за ним. Дверь он прикрыл и прошёл вглубь плохо освещённой комнаты, которая больше походила на чердак. Кругом сундуки, ящики и просто всякое хламьё. Всё в пыли и паутине.

— Хотите сказать, что тут ваш Господин хранит своё сердце?

— Он его не хранит. Сердце им выброшено. Осколки сердца мы сложили в мешочек и спрятали в башне. Но Господин чувствует, что осколки где-то в замке. И это ему не нравится.

— То есть, Господин будет против того, что задумали вы?

— Он будет в гневе. Поэтому у нас только один шанс. До его возвращения. Как только Господин почувствует, что к его сердцу прикоснулась женщина, он примчится в замок, и будет искать осколки сердца, чтобы не позволить прикасаться к ним.

— Так... — призадумалась я, опасаясь карательных мер со стороны неизвестного мне Господина. — А расскажите мне, как получилось, что сердце вашего Господина разбилось? Или может, его разбил сам Господин?

— Нет, не Господин. Сердце разбила Госпожа, его жена, когда ушла от Господина.

— Что ж, знакомая история. Брошенный супруг. Разбитое сердце... А почему вы решили, что именно я смогу собрать сердце вашего Господина?

— Ты сможешь. Тебя выбрал Ворон. А он не мог ошибиться. Тем более, ты подтвердила его выбор своим выбором Двери в потайной комнате.

— А что было за другими дверьми?

— Не думаю, что ты должна это знать.

— Не совсем понимаю Вас. Но что ж. Давайте попробуем. Показываете осколки сердца.

Мы подошли к сундучку небольшого размера. Палач его открыл и достал невзрачный мешочек.

— Вот здесь осколки. Их никто из жителей замка не должен брать в руки. Только ты. Поняла?

— Поняла. А если я смогу собрать, дальше что?

— Это уже не твоя забота. Мы сами вернём сердце Господину.

— Ясно. Значит, если я сейчас сумею собрать сердце, то больше никогда не появлюсь в этом замке? И смогу спокойно спать по ночам?

— Да.

— Что ж, странная, конечно, сделка. Но выбора у меня, похоже, всё равно нет.

Оставляйте мешочек на сундуке.

Палач положил мешочек на сундук и сделал несколько шагов назад. Я попыталась развязать узелок на мешочке. Но поскольку находилась в плаще-невидимке, то не видела своих рук и промахивалась в движениях.

Сняла плащ и передала Палачу. А сама присела на пол, развязала тесёмку и заглянула в мешочек. Там лежали осколки стекла причудливой формы.

— Сердце у Вашего Господина прозрачное? — растерянно спросила я.

— Да. Лишь только когда оно вернётся к Господину и по нему побежит кровь, оно станет красным, как прежде.

Понимая, что трудно искать логику там, где её в принципе не может быть, продолжила изучать стекляшки. В руки их не брала. Немного побаивалась возложенной ответственности, всё-таки мне сказали, что это осколки сердца. Тем более какого-то Господина, которого бросила жена. Сострадание во мне ещё никому не удавалось надломить. Поэтому я часто жалела, всех и вся.

— Господин давно живёт без жены? — чтобы протянуть время, спросила я.

— Уже восемь лет.

— И что, всё это время жена не хотела поговорить с ним? Ну, чтобы как-то сгладить сложившуюся ситуацию.

— Он бы её всё равно не пустил в замок.

— А вы не думали, что это она, а не я, должна собрать разбитое сердце.

— Она не сможет этого сделать. Несколько лет назад мы уговорили её попробовать. Тайно привезли в замок, доверили осколки, но как только она прикоснулась к одному из них, осколок разломался ещё на несколько. Её руки не способны залечить раны сердца Господина.

— А зачем вообще собирать сердце? Господину разве плохо без него?

— Плохо. Только он этого не замечает. И продолжает уничтожать себя.

— Что ж, попросили собрать, я сделаю всё, что в моих силах. Но у Господина всё же, нужно спросить разрешение. Это же всё-таки его сердце.

— Мы точно знаем, Господин не разрешит. Он отнимет осколки и спрячет их так далеко, что уже никто никогда их не найдёт.

— А если и я не смогу собрать? Что тогда?

— Кровь Господина скоро станет совсем чёрной. Он не сможет с такой кровью жить. И погибнет. Когда об этом узнает могущественный маг с севера, он нашлёт на замок ледяные ветра. Снег поглотит всё вокруг, и мы все замёрзнем. Ты тоже. Вернуться домой ты сможешь теперь только если соберёшь осколки сердца в единое целое.

Жуткие условия сделки, подумала я. Изначально вроде я не причём, а ответственность на меня вон какую взвалили. Сердце не я разбила, но именно я, по мнению обитателей замка, могу и должна посягнуть на право Господина жить без сердца.

— Мне нужна какая-нибудь чистая ткань, на которую можно высыпать осколки, — обратилась я к Палачу.

Он заглянул в соседний сундук, поворошил его содержимое и вскоре протянул мне шелковый платок. Я расстелила его на полу и высыпала на него осколки.

Трудно начинать работу, если не знаешь, как должен выглядеть результат твоего труда. Посмотрела на Палача.

— А как должно выглядеть сердце?

— Никто не знает, — ответил он, пожав плечами.

И я принялась за работу. Находила осколки, которые в принципе, подходили друг к другу. Но они, хотя и стыковались, не объединялись. И продолжали оставаться отдельными кусочками.

— Осколки нужно чем-то скрепить. Какой-нибудь связующей массой, типа клея. А так они не соединяются.

Но Палач ничего мне не ответил. Я продолжила собирать. Уже разобралась с размером и формой конечного результата. И вдруг послышался лай Пса. Лай был издали. И был радостным. Но Палач тревожно посмотрел в сторону двери.

— Господин вернулся. Он будет искать тебя. Я должен ему помешать. Продолжай работать, не отвлекайся. И помни, никому не позволяй прикасаться к сердцу Господина. Береги его, как своё собственное сердце.

С этими словами он вышел в коридор. Прикрыл дверь. Я осталась одна. Ещё несколько раз попыталась соединить осколки, но они никак не желали образовывать единое целое.

Лай усилился. К нему присовокупилось какое-то металлическое лязганье, хлопанье дверей, топот ног и общее возбуждение воздуха. Казалось, где-то там внизу всё ходит ходуном. Замок ожил, и работать в таких условиях стало невозможно. Собрала осколки в мешочек. Шелковый платок кинула в сундук. Попыталась успокоиться и собраться с мыслями.

Вначале я хотела и мешочек с осколками вернуть в сундук, но... В общем, не стала я этого делать. Быстро открыла сундук, достала шелковый платок, высыпала на него осколки. В опустевший мешочек наложила каких-то безделушки из сундука. Керамические статуэтки, на вроде тех, что используют для игры в шахматы. По первоначальному объёму, с расстояния невозможно было понять, что в мешочке подмена.

Осколки сердца спрятала на себе. Нашла в сундуке длинный шарф. И примотала этим шарфом платок с осколками к своему животу. Опустила подол ночной сорочки и теперь найти тайник будет возможно, только если меня обыскать. Ну, или раздеть. Надеюсь, до этого не дойдёт.

Распахнула окно. Высунулась, посмотрела пути отступления, но оказалась, что нахожусь в башне. Башня высоченная. Вдоль её стен река. Если спрыгну вниз — однозначно разобьюсь. Уж очень высоко. Оставалось одно — ждать. Ждать пока меня найдут, или не найдут.

Ждать пришлось недолго.

Дверь распахнулась. И я увидела Господина. Не было сомнений, это — был именно он. Грозный взгляд. Резкие, решительные движения. И...

Нет, не скажу, что увидев его, сердце моё пропустило удар. Или что я была покорена его внешностью.

Увидев его, я разучилась дышать. Вроде, обычный мужик, ну, высокий, в меру стройный. Можно сказать, относительно Палача, не урод. Но глаза... Всё в его внешности вызывало у меня страх. Животный страх. С первых секунд я поняла — этого человека нужно бояться, как огня, как серной кислоты. Он не благородный Принц. Он... душой палач. От него исходил холод, леденящий мою душу. Я застыла, его увидев.

— Ах, вот ты где! — гневно крикнул он, и сделал шаг в комнату. Руки сложил на груди, а сам продолжал смотреть на меня. — Питон! — окрикнул он кого-то. — Займись ею!

В комнату из коридора стала вползать огромных размеров змея. Питон. Он в основном

был бирюзового цвета, но некоторые чешуйки абсолютно чёрные. А глаза медного цвета с вертикальной чёрной полоской. Медленно вползала эта пятиметровая гадость, а я едва в обморок не падала. Прижалась к стене у открытого окна и опустила глаза, не желая видеть брезгливую ухмылку Господина.

— Ну, что, Ведьма, сама отдашь то, что тебе не принадлежит? Или Паука позвать, чтобы тебя обыскал.

При других обстоятельствах, я бы возмутилась и осадила наглеца, осмелившегося меня оскорбить, назвав «Ведьмой». Но... Меня передёрнуло. По моим ступням прополз Питон. Он кольцом обернулся вокруг ног, и теперь я была в его плену. А за спиной Господина появился новый кошмар. Паук. Огромнейший паук. Крупнее собаки. Он залез на стену, прошелся до потолка, перебрался на него и теперь шел на меня. Лапки мохнатые. Спинка тоже. Остановился у меня над головой, выпустил нить паутины и по ней спустился на уровень моего лица.

Я накрыла ладонью рот. Визжать и орать было поздно. Эта тварь раскачивалась передо мной и щелкала тем, что у неё было перед ротовым отверстием. Такими мохнатыми клешнями, которые заканчивались острыми коготками. Смотрел же паук на меня несколькими парами глаз. Глазки разные по размеру. Одни большие, почти наполовину его башки. Другие маленькие. Были и совсем крохотные. И все чёрные, блестящие.

Паук потянулся ко мне несколькими лапками.

— Уберите его! — взмолилась я.

Рука, в которой держала мешочек до этого момента, была у меня за спиной. Но вот я её опускаю. И все замечают мешочек. Паук начинает тянуться к нему, желая забрать. Недолго думая, я поворачиваюсь в сторону открытого окна и выбрасываю мешочек и всё его содержимое на улицу.

Ахнули все. Питон. Паук. Ворвавшийся в комнату Палач, ещё кто-то, кого я пока не разглядела. Все, кроме Господина. Он подошёл к окну, выглянул в него и, повернувшись ко мне, почти ехидно произнёс:

— А вот это правильно. Теперь ни у кого не будет возможности прикоснуться к этим стекляшкам. Что ж, ты избавила меня от них, но наказание, за вторжение на мои земли тебе всё равно не избежать.

Я на Господина не смотрела. Он был слишком близко ко мне, чтобы я набралась смелости взглянуть ему в глаза. И хотя он говорил спокойно, я съёживалась от металлического звука его голоса.

— Палач! — крикнул он, а я зажмурилась. — Перенесёшь Ведьму через Северный мост. Там и оставишь. Пусть северные ветра позабавятся, растерзывая её! Если выживет и вернётся, убей её.

Питон от меня отполз. Паук тоже. Они освободили дорогу Палачу. Он подошёл ко мне и без препятствий закинул меня себе на плечо.

— И ещё! — голосом Господин остановил Палача у дверей. — Предупреждаю. Если ещё хоть раз, кто-нибудь позволит чужаку проникнуть в замок, последует вслед за Ведьмой.

Палач не ответил. Он понёс меня по коридору. По лестнице вниз и вскоре вынес на улицу. И всё молча.

— Может, Вы меня опустите, и я пойду сама?

Он проигнорировал моё предложение. Прорычал и продолжил меня нести. Так мы добрались до длинного каменного моста. Преодолели его и оказались в совершенно другом

мире. Здесь деревья были без листвы, кругом лежал снег. И холодно. Очень холодно. Я, в своей сорочке, стала мёрзнуть.

— Палач, — обратилась я, на что получила короткое:

— Не разговаривай со мной, Ведьма.

Ну вот, и для меня нашлось имя в этом странном мире. В мире Господина, сердце которого разбито на множество осколков. И эти осколки сейчас спрятаны на мне. Они искололи меня. Я о них думаю. И не потому, что мне жалко бессердечного Господина, а потому, что мне больно от того, что они острыми краями вонзаются мне в живот. Разрезают ткань шелкового платка и вгрызаются в меня.

Палач донёс меня до высоких камней и скинул на снег. Это было неожиданно. И очень неприятно.

— Прощай! — кинул он мне напоследок, развернулся и пошёл прочь.

— Что?! — заорала я. — И ты меня здесь бросишь?

Кинулась к нему, догнала, но он меня отпихнул и продолжил идти в сторону моста.

— Не вздумай пересекать мост. На том конце тебя будет ждать неминуемая смерть. Господин распорядился убить тебя, если ты вернёшься.

— Палач, ты не можешь меня оставить здесь. Мне холодно. Я замёрзну. У меня нет ни обуви, ни тёплой одежды.

Он обернулся и зло посмотрел на меня.

— По твоей милости, теперь мы все замёрзнем. Господин без сердца проживёт недолго. Ты не должна была лишать нас надежды на жизнь. Ты не должна была выбрасывать осколки в реку!

— Я их и не выбросила. Вот они, — указала на свой живот. Вернее, на тайник. — Я их спрятала.

Палач изменился в лице:

— Что значит, спрятала?

— Пока ты отвлекал Господина, я пересыпала осколки в платок и привязала их шарфом из сундука к своему животу. А в мешочек положила какие-то статуэтки. Вот именно их я и выбросила в окно.

— Но как получилось, что Господин поверил, что осколки на дне реки, а не у тебя?

— Не знаю.

— Всё это очень странно. Ведь когда Господин почувствовал, что ты прикасаешься к осколкам его сердца, он примчался. А был он далеко от замка. Мы специально увлекли его подальше, чтобы у тебя был шанс собрать осколки в единое целое. Мы знали, что Господин почувствует тебя с большого расстояния. Поэтому не могу понять, почему он не заметил, что ты его вводишь в заблуждение? Почему поверил, что осколки уже не у тебя?

— Палач, миленький, давай найдём ответы на эти вопросы потом. Не сейчас. Ещё немного и я совсем околею.

— Ох, — спохватился Палач и достал из-за пазухи плащ Господина. — Одевай.

Я одела. Удивительно, но тут же перестала мёрзнуть. Видимо, плащ не только делал меня невидимой, но и имел ряд других достоинств.

— Палач, а твой Господин не против, что его плащ у тебя?

— Если узнает об этом, вышлет за Северный мост, как тебя.

— То есть, ты просто украл плащ?

— Ну, это не такая и большая кража. Ты вообще его сердце украла и то не страдаешь

угрызениями совести.

— Я страдаю, — поддержала шутку я.

И мы пошли в сторону моста.

Глава шестая

— Из-за приказа Господина, в замок дорога тебе закрыта. Северные земли тоже не пристанище — замёрзнешь. В плаще Господина постоянно быть нельзя — уж очень меняет плащ лицо того, кто его долго носит. Как бы стираются черты.

— Seriously тут у вас. Вроде кругом волшебство, а подумаешь, нет. Не волшебство. Обычные трагедии. Плащ-невидимка, который обезличивает носящего его. Господин без сердца, кровь которого чернеет, а сам он превращается в бездушное чудовище. Вот спрашивается, чего он на меня взелся? Наорал. Выгнал из замка. Вернусь — убьёт. Странный он. Жестокий и странный.

— Почему странный? — удивился Палач, остановился и посмотрел на Северный мост, к которому мы подошли.

Там за каменным мостом возвышался великолепный замок. Я сразу угадала башню, в которой повстречалась с Господином. Вот из того маленького окошка, что едва разглядеть отсюда, я выкинула мешочек якобы с осколками сердца. Вот река. Она появляется из-за башни, и её тихие воды движутся вдоль стен замка, проходят под Северным мостом. И после почти ровной лентой река течет до самого леса, что виднеется вдаль. С другой стороны горы, снежные вершины которых упираются в синее-синее небо. Море не видно. Но я точно знаю, оно есть. Оно где-то там, за замком. Но пальмы, кипарисы и множество других теплолюбивых растений видно и отсюда.

Смотрю на всё эту красоту и ловлю себя на мысли, что была на море (на курорте), последний раз лет шесть назад. Я уже давно отпуск не проводила вне города. И вот это неожиданное ужасно-прекрасное путешествие. Если бы не специфический коллектив этого курортного местечка, я бы, пожалуй, была вполне счастлива. Во всяком случае, смогла бы насладиться красотой, что простиралась за Северным мостом.

Одно лишь беспокоило — Господин, давший распоряжение убить меня, если я вернусь на его земли.

— Ведьма, — позвал меня Палач.

— Что? — надо же, я уже сама того не замечая, отзываюсь на это прозвище.

— Ты сказала, что Господин странный. Почему «странный»?

— Ну, он сначала показался очень жестоким. Злобным. А вот сейчас мне кажется, он просто одержим. И очень страдает. Его изнутри разрывают какие-то силы. Рвут ему душу, а он корчится, и эти гримасы уродуют его лицо. Его голос. И даже взгляд... Взгляд, — я задумалась. — Палач, а какого цвета глаза у вашего Господина? Я совершенно не обратила внимания на их цвет. Мне кажется, я вообще не увидела его глаза. В них было столько агрессии, что даже если присматриваться, всё равно невозможно было их увидеть.

— Я не помню, какие у Господина глаза. Я даже не знаю, какого цвета у меня глаза.

Палач посмотрел в сторону моего голоса.

— Карие у тебя глаза, — тихо сказала я, рассматривая его лицо. — Большие, грустные, карие глаза. Мне кажется, они умеют плакать.

Морщинки вокруг его глаз стали более глубокими. Это он улыбается. Я его развеселила. Горбатый здоровяк, с грубыми чертами лица, с руками, способными вырвать замок вместе с

креплением. Он уже не казался мне уродливым. Просто специфическая внешность. А за ней человек. И вот его я увидела только сейчас.

— А почему у тебя прозвище Палач?

— Господин так назвал.

— Но ты же, никого не убивал? — уточнила на всякий случай я.

— Пока нет. Вот если Господин тебя поймает на своих землях, он позовёт меня и скажет: «Казни её!»

— И ты казнишь?

— Конечно. И Господин об этом узнает. И будет меня хвалить. А когда ты воскреснешь и вновь окажешься в замке или где-нибудь поблизости, я буду искренне удивляться вместе со всеми. И буду разводить руками и с опаской говорить, что ты великая ведьма, которую невозможно убить.

— Шутишь?

— Конечно.

И опять вокруг его глаз залегли глубокие морщинки. Весёлый Палач. И почему его Господин так назвал? А действительно, чем руководствовался Господин, когда давал имя Палачу, или мне?

— Палач, как ты думаешь, почему Господин назвал меня Ведьмой?

Он даже не задумался. Ответил сразу:

— Потому что увидел в тебе силу. И знания. Ты ведаешь то, что другим не дано познать. Ты видишь то, что большинство не замечают. А знаешь, почему всё это происходит?

— Почему? — заморожено спросила я.

— Ты не глазами смотришь, а душой. А сердце тебе нужно, чтобы эмоции через него пропускать, а не кровь.

— Как тебе удаётся простыми словами объяснять сложное? Откуда в тебе столько мудрости?

— Не знаю. Может, это просто побочный эффект длительного пребывания в библиотеке Господина?

— Ты любишь читать книги?

— Да. Меня к книгам пристрастил Ворон, ещё до того, как улетел искать тебя.

— Ворон сейчас в замке?

— Нет, он не вернулся. Он сможет вернуться, только если ты всё сделаешь правильно и вернёшься в свой мир.

— Ты знаешь, как мне вернуться?

— Знаю. Но расскажу, только когда в груди Господина будет биться сердце. Даже не проси, по-другому не будет.

— А я и не прошу. Мне и самой не хочется, чтобы замок и его обитатели погибли от холода. Я вообще не хочу, чтобы кто-то погибал.

— Даже Питон и Паук? — опять он улыбается.

— Даже они, — призналась я.

— Спасибо.

Он это таким мягким голосом сказал, что я задумалась. А ведь действительно, меня Питон не душил. Он только улёгся у моих ног, как будто выпрашивал, чтобы я не уходила. А Паук своими лапками перебирал, словно стеснялся. Он хотел лишь рассмотреть меня. Вглядывался мне в глаза и пытался что-то прошептать, боясь, что его все же не только я

услышу.

— Я тебя отведу в рыбацкую хижину, — сказал Палач и сделал первый шаг по длинному каменному мосту. — С этого момента молчи. Только когда доведу до хижины, сможешь обратиться ко мне.

Я умолкла и побрела за Палачом.

Странный мир. Вроде кругом опасность, а мне впервые за долгие годы спокойно и уютно. Я точно знаю, что Палач меня не обидит, как в прочем и другие обитатели замка. Что касается Господина, то каждый раз, когда я о нём вспоминала, у меня живот огнём обдавало. Я хваталась за свою ношу, и боль затихала. Было желание снять осколки сердца Господина с себя, чтобы они больше не ранили меня, но мысль, а вдруг утеряю по пути какой-нибудь крохотный осколок, не позволяла мне избавиться от мучений. И меня продолжало хватывать огнём. Особенно сильно жгло, когда смотрела в окна замка. Мне казалось, что Господин непременно смотрит сейчас и видит, как Палач возвращается по Северному мосту. Приказание Господина выполнено. Официально меня терзают северные холодные ветра. Я замерзаю в снегах. Но на самом деле меня ласкают языки невидимого пламени. Я иду позади Палача и поглядываю в окна замка. И не даёт мне покоя странная мысль, которая сейчас уж совсем неуместна:

«Какого цвета глаза у Господина?»

— Вот здесь ты будешь в относительной безопасности.

Мы дошли. Хижина была у подножья утёса. Огромные тёмные валуны, словно островки, погружены в воды моря по всей прибрежной линии. Берег песчаный. Волны манили меня. Я как увидела море, аж завизжать хотела. Такая красота, что слов не хватает описать увиденное.

Но мне приказано молчать. И я молчу. Улыбаюсь и молчу.

— Ведьма, ты ещё тут?

— Тут, я, Палач. Справа от тебя. Можно уже снимать плащ?

— Снимай.

Я его сняла. Но не стала возвращать Палачу.

— Плащ не отдаю. Он — моя единственная защита, на случай если Господин будет поблизости.

— Это правильно. Оставляй пока у себя. Давай прощаться? Мне пора в замок. Буду у тебя перед закатом. А сейчас пришло к тебе кого-нибудь из наших. Еду тебе принесут.

— А одежду?

— С одеждой у нас хуже. Но я попрошу Паука, он большой мастер плести тёплые вещи. Так что будет к утру тебе обновка. Ночевать будешь в хижине. И ничего не бойся. Спокойно занимайся своей работой. Собирай сердце. Если будет угроза разоблачения места твоего пребывания, Пёс лаем предупредит. Ты тогда хватай осколки, одевай плащ и уходи из хижины.

— Куда уходить?

— Куда сможешь. Я найду тебя. Не переживай. Главное — сердце собери. Времени у нас остаётся очень мало.

— Я буду стараться.

Он ушёл. А я прошлась по берегу, зашла по колено в воду и глубоко вздохнула. Воздух опьянял.

Как же хотелось искупаться. Но работа ждёт. Огнём жжёт мой живот.

Зашла в хижину. Скинула ночную рубашку и стала разматывать шарф. Платок с осколками плотно прилегал к моему животу. Постаралась его отлепить. И увидела кровь. Осколки прорезали шелковый платок, и точно также кое-где поступили с моей кожей. Крови было немного. Но даже этого небольшого количества было достаточно, чтобы осколки перестали быть прозрачными. Теперь некоторые из них испачканы моей кровью.

Но именно благодаря этому я поняла, чего всё это время мне не хватало для успеха. Вот он — недостающий связующий элемент. Кровь.

Оделась и с новым энтузиазмом принялась за работу. Осколки, что были в крови, соединились и уже не распадались. Для выполнения поставленной задачи не пожалела себя и надрезала острым осколком ладонь. Теперь какой бы осколок я не брала, он становился окровавленным. И вскоре, для него я находила место в сердце Господина. Сердце стало обретать форму. Я погрузилась в работу.

Даже не заметила когда, а главное кто, принёс корзину с едой. Принёс и поставил на

порог перед дверью в хижину. Но отвлекаться на еду я не стала. Решила до прихода Палача успеть собрать сердце. Я думала, если успею, то уже сегодня смогу вернуться домой.

Но перед этим очень хотелось понежиться в море.

Да, вот такая я неунывающая. Кто знает, когда жизнь подарит мне шанс оказаться на море. А тут вот оно. Только выйди и наслаждайся.

Но дело есть дело. Сейчас меня интересует только оно. Сердце. А оно уже почти собрано. Осталось вставить вот этот осколок и вот этот. Ура! Я это сделала. Вот оно. Испачканное, но собранное. Осколки слились. И больше нет отдельных элементов. Сердце цельное. Оно... у меня в руках.

Бережно отложила его на столик и прикрыла шарфом. Выскочила из хижины и побежала к волнам. Но не успела я погрузиться в воду, как услышала лай. Пришлось спешно возвращаться, хватать сердце, одевать плащ и уходить. Корзиной с продуктами пожертвовала. Уходила налегке. Уходить пришлось по берегу. Следов на песке после меня не оставалось. Я шла, а сама думала, как же теперь меня найдёт Палач?

Но он нашёл.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Наступила ночь. Я пряталась в пещере. Было холодно, но плащ сняла, как только перестала слышать лай Пса. Рассудив, что угроза миновала, постаралась успокоиться. Это получалось плохо.

— Ведьма, не пугайся, это я.

Но я всё равно испугалась.

— Господин где? — первым делом спросила у Палача.

— Не волнуйся, он вернулся в замок.

— А что он делал у хижины?

— Тебя искал. Господин чувствует, что ты вернулась. Видишь, даже с местом твоего пребывания он не ошибся.

— Почему же он не продолжил искать меня?

— Ему стало плохо. И мы уговорили его вернуться. Но заверили, что ты будешь найдена. Как видишь, я почти выполнил обещание. Я нашел тебя.

— И что теперь?

— Вернёшься в хижину. До утра тебе ничего там не угрожает. Здесь оставаться нельзя. Холодно. К тому же в хижине тебя ждёт корзина с едой. Правда, уже другая. Господин нашёл первую корзину и велел её уничтожить. Он посчитал, что это ты угощения специально оставила, чтобы отравить его или любого другого.

— Почему он так плохо думает обо мне?

— Он не любит женщин.

— Он не любит жену, которая ушла от него и разбила его сердце. Но он не обязан не любить всех остальных женщин. Тем более, что одна из них собрала его разбитое сердце.

— Что? — удивился Палач и посмотрел на меня с такой надеждой, что я невольно улыбнулась.

— Да. Я его собрала. Так что можешь возвращать меня в мой мир. Прятаться по хижинам больше нет необходимости.

— Покажи сердце.

— Что значит «покажи»? Забирай его, — я развернула шарф и протянула сердце. — Оно немного испачкано, но у меня не было возможности смыть мою кровь с него.

— Кровь?

— Да. Именно она соединила осколки. Чего же ты стоишь? Забирай!

Но он не спешил забирать из моих рук сердце.

— В чём дело? — не выдержала я.

— Тут такое дело...

— Что ещё? — насторожилась я.

— Я не могу его брать в руки. Я же тебя уже предупреждал, чтобы ты никому его не отдавала.

— Не поняла.

— Сердце может вернуть только женщина, — Палач посмотрел мне в глаза. — Женщина, которая любит Господина.

— Ты издеваешься? Где я такую найду?

Он не ответил.

— Подожди... — я почти испугалась возникшего предположения. — Уж не думаешь ли ты, что я должна его полюбить?

— Нет. Ну, что ты. Я же понимаю, что не бывает любви по требованию. Тебя заставить я не могу.

— Тогда какого чёрта ты мне тут нервы мотаешь!? Забирай сердце и возвращай меня домой!

— Не могу я прикасаться к сердцу Господина.

— Забирай! Иначе разобью!

— Не могу.

Он отрицательно покачал головой и сделал несколько шагов прочь от меня.

— Не могу. Не я устанавливал правила. Не мне их нарушать. Прости, Ведьма. Возвращайся в хижину. Завтра утром я постараюсь найти способ освободить тебя от сердца Господина. А пока, прошу, береги его и не позволяй к нему прикасаться другим обитателям замка. Его может держать в руках только женщина. И больше никто. Прощу, прости, что не сказал об этом раньше. Увидимся утром.

Он развернулся и сделал несколько шагов от пещеры, унося с собой фонарь, от которого исходил тусклый голубоватый свет.

— Стой!

Остановился.

— Проводи до хижины. А заодно расскажи, что с Господином. Ты сказал, его самочувствие ухудшилось.

— Да. Но это не то, о чём ты могла подумать. Он сам усугубил своё состояние.

— Не понимаю тебя. Говори проще.

— Он пьян.

— Неожиданно. Я почему-то подумать не могла, что ваш Господин способен напиться.

— Так получилось. Как только я тебя перенёс через мост, Господин закрылся в своём кабинете и...

— И напился, — не выдержала долгой паузы я.

— Да. Но ты не думай. Он...

— Крайне редко ищет забвение в спиртном?

— Да.

— Я тебе не верю, — призналась я.

— Правильно делаешь, — сухо произнёс Палач.

Мы брели по берегу. Сердце Господина я прижимала к себе и думала, что нескоро вернусь домой. Если вернусь вообще.

Полюбить Господина я вряд ли смогу. Он пьёт. Он грозитя меня убить. Я уже проходила такое со своим вторым мужем. Пил и бил. Исход брака — два шрама, три перелома.

Оно мне надо, повторять никому не нужный подвиг?

Правильно, не надо. При всём желании, выше моих сил полюбить такого мужчину. А это значит только одно — всё очень плохо.

Я здесь до конца своих дней. Но век мой недолог. Жить и постоянно бояться, что Господин меня обнаружит, это не жизнь. Мучение одно. И если учесть, что кровь у Господина скоро станет совсем чёрной, и он погибнет, то замёрзнем мы все. И я, и Палач, и все, все, все.

— Палач, неужели в замке нет ни одной женщины, которая бы любила, или хотя бы, как-то по-особому относилась к Господину?

— По-особому к Господину относишься ты. Ты его сердце собрала. Ты пролила собственную кровь ради него. Ты считаешь его странным, а все остальные просто жестоким. И ты его жалеешь.

— Но не люблю.

— В этом-то и проблема.

— К тому же, сердце Господина я собрала не столько ради него самого, сколько ради себя. Или ради тебя. Или хотя бы ради белой кошки. Или Пса. Паука и Питона. Господина мне вашего жаль, но влюбиться в такого неуравновешенного человека, как ваш Господин, не смогу. Я уже не в том возрасте, чтобы не брать в расчёт последствия подобных чувств. Извини, но при всём моём желании спасти себя, тебя и вообще весь ваш мир, я не способна. Полюбить... это выше моих сил.

Палач глубоко вздохнул и посмотрел на меня.

Я остановилась. Он тоже.

— Слушай, а у Господина жива мать? — неожиданно пришла мне новая идея. — Может, ей передадим сердце, чтобы она вернула его сыну?

— У Господина нет родителей. Он осиротел ещё в детстве.

— Печально. А сестры у него нет? Хотя бы двоюродной? Хотя бы просто кого-нибудь! Ну, не может же быть, чтобы взрослый мужик жил без женской ласки?

Палач задумчиво посмотрел на лунную дорожку, которая яркой полосой скользила от луны по морским волнам к нам. Он не ответил. Да, в общем-то, я уже и не ждала. Наверное, в этом мире сплошь и рядом мужчины обделены женским вниманием.

И я подумала, что если бы Господин жил в моём мире, то на его бы замок очень многие красотки польстились. И не имело бы значения ласковый Господин любовник или жестокий придурок, каких свет не видывал, а всё равно бы нашлись желающие скрасить его интимный досуг. Ну, правда, за вознаграждение. Конечно, никто из подобных пассий его бы не любил, хотя и искренне заверял бы в этом.

Да... что так, что так, а найти женщину, которая его полюбит, крайне сложно.

В молчании мы дошли до хижины.

— Ведьма, береги сердце Господина. Завтра будет день и будет решение.

Он ушел, а я осталась.

Обмотала сердце шарфом и спрятала в хижине. Перед сном отправилась погулять по берегу моря.

Шла, а сама ругала себя. Ну, как можно было вот так вляпаться!? Одно дело собрать сердце из осколков, и совсем другое, полюбить Господина. Полюбить чудовище. Это же он прогнал меня за Северный мост, чтобы я там замёрзла. Он приказал меня убить, если вернусь. И это он думает, что я отравительница, хотя к той корзинке с едой я даже не прикасалась.

Странно, но мне обидно, что в его глазах я ведьма.

Сама того не заметив, отошла далеко от хижины. Присела на песочек возле большого валуна и залюбовалась ночным морем. Шум волн уносил тревоги и все печали.

Всё-таки как же здесь красиво.

Не сразу поняла, что не одна на этом берегу. Вернее, на берегу-то я была одна, а вот в море...

Сначала уловила едва заметный звук повторяющегося всплеска. Постепенно он усилился. Подсела ближе к валуну, чтобы моя тень от луны полностью скрылась и продолжила наблюдать. В любом случае, бежать — лишь внимание к себе привлекать. А пересидеть в укрытии, мне показалось самым разумным выходом. Тем более что лай Пса я не слышала, а это означало, что в море плещется сейчас не Господин. А кто-то другой.

Вернее двое.

Женщина и мужчина. Такое предположения я сделала именно благодаря ласковому воркованию женщины. Она игриво реагировала на поведение партнёра. Он что-то отвечал ей. Его слова долетали до меня не разборчиво. И всё же общий фон их досуга был вполне ясен.

Когда стадия флирта миновала, и женский голос стал таять в долгих паузах, я подобралась к краю валуна и высунулась, чтобы посмотреть, насколько возросли мои шансы смыться, не привлекая к себе внимание.

Шансы действительно возросли.

Мужчина, прижав женщину к себе, словно добычу, страстными поцелуями демонстрировал свою потребность в этой близости. Их полупогружённые в морские воды тела были обнажены. Полностью ли, не знаю. Во всяком случае, надводная часть любовников была лишена одежды.

Длинноволосая девица царапала спину возлюбленного, а он умудрялся целовать не только её губы, но и грудь без ласки не оставлял.

Я стала отползать в сторону другого валуна, чтобы, потихоньку убраться отсюда. Не хотела спугнуть эту парочку. Но ещё больше не хотелось мне быть случайным свидетелем столь бурного времяпрепровождения этих людей.

И вот когда я уже доползла до другого валуна, чётко услышала слова мужчины:

— Подожди, рыбка моя.

Я замерла. Этот голос. Я его уже слышала, и принадлежал он Господину!

Столь ужасное открытие заставило меня присмотреться к мужчине.

Не сразу, но я убедилась, это действительно Господин — жестокий повелитель. Правда, сейчас я видела обыкновенного мужчину, который через нежную страсть демонстрирует, насколько желанна ему любовница.

Любовница...

Я едва не вскрикнула. Вот же она! Именно ей я должна передать сердце Господина, чтобы предотвратить каскад трагедий. Она спасёт Господина и на замок не обрушатся северные ветра.

Спасение найдено!

Осталось только улучить момент и поговорить с ней. Вот только когда будет этот самый момент?

И ещё одна мысль меня начала подленько тревожить.

Почему Господин не чувствует, что я рядом?

Неужели желание близости с этой женщиной, гораздо сильнее желания убить меня?

Странно, но мне это не нравилось. И хотя это, конечно же, не ревность, но в душе я возмущалась. И как результат, перестала испытывать неловкость от того, что смотрю на объятия и поцелуи этих двоих.

— Подожди... — сказал Господин и посмотрел в сторону берега. В мою сторону.

Я затаила дыхание. Неужели почувствовал моё присутствие?

— Я сказал, подожди!

Он отпихнул любовницу и стал выходить из воды. Всё. Я тысячу раз пожалела, что не прихватила с собой плащ-невидимку. Теперь мне либо сидеть и ждать, либо бежать и орать.

И вот, когда Господина от меня отделяли каких-то десять метров, женщина окрикнула:

— Господин! Я уже свободна?

Я накрыла ладонью рот. Вот тебе и волшебный мир. Как всё банально. Нет, она не любит Господина. Она не его возлюбленная. Она кто угодно, но не та, кто нужен мне. Обидно.

Господин громко крикнул ей:

— Проваливай!

Упал в воду и поплыл вдоль берега, прочь от любовницы, и от меня. Он был пьян. И голос, и поведение всё об этом говорило. Но поняла это я только сейчас.

Угроза миновала. Я перевела дух и стала ждать, когда женщина выйдет на берег. Мне почему-то всё ещё хотелось верить, что я ошиблась. Что я неправильно всё поняла. Что женщина любит Господина, что их близость ей желанна, а не в тягость.

Я ждала, а женщина не выходила. Она подплыла к одному из валунов, что был в воде и, придерживаясь за него одной рукой, словно лодочка, стала дрейфовать. Господин уплыл. Всплеска я больше не слышала. И тогда, чтобы не терять время, решила зайти в воду, подплыть к женщине и убедиться, что она это не та, которую ищу я. Скинула ночную рубашку (не хотелось мне мочить единственную свою одежду) и пошла в сторону волн.

Ну, что сказать... Женщина меня испугалась. Ринулась прочь от меня уплывать. Я молила остановиться. Не помогало. И лишь когда произнесла прозвище Палача, достигла желаемого результата. Она перестала уплывать и позволила доплыть до неё.

— Прошу Вас, — обратилась я, — давайте поговорим.

— О чём?

— О Господине.

— Не понимаю, чего ты хочешь от меня?

— Мне нужно найти женщину, которая любит Господина.

— Господина? — удивлённо спросила она.

— Да.

— А я причём?

Действительно чего я хочу от этой особы?

— Извините, мне показалось, что это Вы, — замялась я и стала медленно отплывать от неё.

— Я? — она засмеялась, но поняв, что я не разделяю её веселья, окрикнула меня. — Подожди! Не уплывай.

Я остановилась, она подплыла. Лунный свет позволял мне рассмотреть её красивое лицо, а ей моё.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Господин назвал Ведьмой.

— Ах, вот ты какая. Наслышана. Сегодня о тебе все говорят. Рада познакомиться с тобой, Ведьма. А я — Русалка.

— Кто?

— Русалка.

Эмоции не позволили здраво мыслить. Я что-то нечленораздельное произнесла, и Русалка засмеялась.

— Да, да, да. Теперь понимаешь, почему не я нужна тебе?

— Ну, в общих чертах, — ушла от прямого ответа я.

— И всё же ты хочешь спросить, почему я и Господин...

— Нет, нет! Я всё понимаю.

— Всё, да не всё. Он ведь совсем не такой был до того, как от него ушла жена к другому. Это сейчас он грубый, злой и жестокий. А я при всём желании не могу отказать ему в этих коротких встречах. Он Господин. Он желает встречаться со мной, и я приплываю. Так было и будет впредь. Но речь не идет о любви. Почти для всех русалок эти чувства противоестественны. Во всяком случае, я никого не способна полюбить. А то, что ты скорей всего видела сейчас, это просто мои отношения с Господином. Отношения, которых желает Господин. А его желания — закон для обитателей этих земель и вод. Я ответила на все твои вопросы?

— Да.

— В таком случае, прощай.

Она отплыла, ударила по воде хвостом и ушла под воду. Мне стало не по себе.

Нужно было возвращаться в хижину. И чем скорей, тем лучше.

Подплывала к берегу, а сама мучилась от неприятного осадка, возникшего после этой беседы. Вроде обычная история, но почему всё это происходит здесь? Это неправильно. Это не тот мир, в котором могут происходить такие вещи. Так не должно быть.

Даже в моих книгах, мужчины менее изранены, чем этот измученный Господин, который позволил себе жить без сердца. И тем самым породил столько чуждых этому волшебному миру неправильных событий.

Я уже коснулась ногами дна, но ещё была по шею в воде, когда неожиданно услышала:
— Вернулась, рыбка моя.

Господин. Он стоит в воде у одного из высоких валунов. Смотрит на меня и странно улыбается.

— Плыви ко мне, — жестом руки подзывает.

А меня окончательно сковал страх. Ведь я, сама того не желая, приплыла к Господину. Ему до меня несколько метров. Он спяну пока не понял, что я не «его рыбка». Делаю попытку уйти под воду и уплыть в сторону.

Но...

Буквально через несколько секунд оказываюсь схваченной Господином. Он схватил меня за руку. Притянул к себе, и теперь вынырнув, я стою к нему спиной и чувствую, ещё чуть-чуть и буду в его объятьях. Чуть-чуть пролетело за секунду.

— Ты хотела уплыть? — спрашивает он.

Молчу. Сильные руки прижимают меня к его груди. Он касается меня в тех местах, которые выбирает сам. Я зажмурилась. Всё. Это конец. Я в ловушке. И самое страшное, что не могу пошевелить ни языком, ни рукой. Меня полностью парализовало. А мужские руки скользят по мне и дарят наслаждение Господину. Я это чувствую. Слышу по его дыханию, тихому мычанию. И понимаю, ещё немного, меня развернут для поцелуев, но увидев моё лицо, меня просто утопят.

Сама того не замечая начинаю плакать. Слезы катятся по щекам. Моей шеи, плеч касаются губы Господина. Он целует. Его руки, изучив мою грудь, перемещаются ниже. На голый живот, затем ниже, ниже... И вот тут происходит то, что, кажется, отрезвляет Господина и возвращает мне способность сопротивляться.

Он замер. Я заговорила:

— Умоляю, Господин, не убивайте меня.

— Ведьма?

Резко разворачивает к себе лицом и хватает меня за плечи. Одного его желанья достаточно чтобы погрузить меня под воду. Он это делает. Я вырываюсь и бьюсь под водой. Но мои жалкие попытки спастись, бессильны против силы Господина. Я на грани. Захлёбываюсь.

Но неожиданно выныриваю. Вишу в руках Господина. Хватаю ртом воздух. Откашливаюсь и не могу восстановить дыхание.

— Ты зачем вернулась?

— Не убивайте меня! — прошу и плачу.

Всхлипывания переходят в истерику. Теперь совсем не могу нормально дышать. Пытаюсь что-то сказать. Выходит крайне неразборчиво. Жутко заикаюсь.

Он начинает меня трясти и требует объяснений.

А я уже совсем ничего не могу говорить. Уж слишком велик страх перед этим мужчиной.

Не знаю, чем он руководствовался, но он вновь меня окунает в воду.

Даже не вырываюсь. Повисла в его руках и плачу.

— Всё? Успокоилась?

Трясу головой. Сама не знаю, что означает мой жест, но Господин больше не спрашивает, успокоилась я или нет.

— Как ты тут оказалась? — спрашивает, а сам поворачивается так, чтобы моё лицо было освещено луной.

Разглядывает. Я плохо вижу его лицо. Я вообще сейчас плохо вижу. Мешают слёзы и морская вода, которая стекает со лба мне на глаза.

— Не убивайте меня.

Это единственная фраза, на которую я сейчас способна.

Но Господин этого не понимает и продолжает меня опрашивать:

— Зачем ты вернулась?

Он вновь и вновь повторяет свои вопросы. И продолжает меня периодически трясти за плечи. Когда его терпение заканчивается, окунает меня в воду. И так повторяется до тех пор, пока ему это не надоедает.

Я лишь прошу меня не убивать.

Не знаю, сколько прошло времени, он устал. Может, немного протрезвел. Его поведение изменилось. Больше он не погружает меня под воду. И вопросы не задаёт. Лишь держит за плечи и смотрит пристально на меня.

Я уже не плачу. Дышу быстро, но не задыхаюсь. Меня уже давно бьёт нервный озноб. Ни о чём не прошу. Но и не даю ответов на его вопросы. И не потому, что мне есть, что скрывать, просто не понимаю, как оправдаться. И смогу ли это вообще сделать?

— В последний раз спрашиваю, что ты тут делаешь?

— Я... — попыталась заговорить, — я нечего плохого не делала. Я случайно здесь оказалась. Хотела искупаться и зашла в море. Я безобидная. И не причиню Вам вреда. Прошу, отпустите меня. Если я Вас раздражаю или Вам неприятно меня видеть, я лучше замёрзну за Северным мостом, но больше никогда не вернусь на Ваши земли.

— Заговорила... — усмехнулся. — Нет, на тебя смотреть мне приятно. Особенно, когда ты вот так близко... И без одежды.

Запаниковала. Но в глаза ему не отважилась смотреть. Решила не провоцировать. Он же и не думал смотреть мне в глаза. Его интересовало то, что было пониже лица.

— Будешь сопротивляться — утоплю. Поняла?

Я накрыла свои глаза ладонью и кивнула. Плакать больше не могла. Было настолько противно, что уже ничего не хотела. Ни умолять, ни рыдать и даже на сопротивление сил не осталось. Полная апатия. Но это было со мной. Он же вел себя совсем по-другому. Притянул меня к себе и принялся руками изучать моё тело.

Я же опустила глаза и стала запрещать себе о чём-либо думать.

Только не сейчас. Только не сейчас.

Дыхание спокойное. Глаза закрыты и ни о чём не думаю. Так надо, чтобы не сойти с

ума и остаться в живых.

А саму пробирает дрожь.

Может и прохладно. Ночь. Море. Луна. Но причина не в этом. Нервы — перетянуты, как струны. Лопнут и тогда... Нельзя, нельзя, говорю себе и молчу.

Стою в мужских голодных объятьях. Незнакомые, чужие губы касаются моего лица. Я понимаю и чувствую, что где-то там растёт плотское мужское желание. Что продолжение будет и мне не избежать того, что бывает в таких случаях с женщинами. Я понимаю, что это плата, избежать гибели от его рук. Понимаю и молчу. Рук не поднимаю, на него не смотрю. Зажмурилась. Голова закружилась.

Ноги подкашиваются, и я ухожу под воду. Мне всё равно. Сил больше нет.

Но Господин меня выхватывает из воды и не даёт утонуть.

Прижал к себе и молчит. Я тоже. Он больше не пытается моей покорностью воспользоваться. Дышит прерывисто. И не собирается меня выпускать из своих рук.

Неожиданно касается губами моего уха и шепчет:

— Скажи, что любишь меня.

У меня даже мысли не возникло послушаться его.

— Я Вас люблю.

— Скажи «тебя».

— Я тебя люблю.

— Попроси, чтобы поцеловал тебя.

— Поцелуй меня, — посмотрела ему в глаза и повторила тихим голосом. — Поцелуй меня, пожалуйста.

Он смотрит на меня. Видит мои глаза. Я вижу его. Они красивые. Они живые. В них нет зла и ненависти. Только горечь.

— Уходи, пока не передумал.

Отпихивает меня от себя и накрывает лицо руками.

— Уходи, — почти рычит, как раненый, умирающий зверь.

Я резко отплываю от него на пару метров, но... не знаю, что-то заставляет меня остановиться. Возвращаюсь и осторожно касаюсь его руки своей рукою.

Опускает руки от лица. Смотрит на меня и молчит. Взгляд стал тяжелее. Но я не отступаю. Делаю шаг в его сторону. И тихо говорю:

— Поцелуй меня.

Глаза в глаза. Оба ничего больше не говорим. Лишь руки наши до сих пор касаются друг друга. Я не выпускаю его ладонь из своей. Чувствую, он не держится за меня. Только я инициатор этих прикосновений. Приблизилась и поцеловала его сама. Он высокий, но я дотянулась. Поцелуй невинный. Другой сейчас не получится. Он слишком удивлён, и смотрит на меня непонимающим, растерянным взглядом.

Я улыбнулась на прощание и выпустила его ладонь из своей руки. Теперь уплываю. Не останавливаюсь. Не оборачиваюсь. Теперь только на берег. Выхожу, подбираю свою одежонку. И скрываюсь на берегу.

Не смотрела я, смотрит ли он на меня, как я выхожу из воды, одеваюсь и ухожу. Я знала, что смотрит. Он не мог иначе. Я слишком неадекватно себя повела, чтобы не привлечь внимание такого психа, как он. Я не специально. Я не нарочно. Мне просто хотелось его поцеловать. Ему хотелось меня изнасиловать, а мне его поцеловать. Понимаю, что очень странные у нас желания, но они были неудержимыми. И их причины не лежали на

поверхности. Но одно было ясно, по крайней мере, мне — мы многое друг другу не сказали.

Рано утром меня разбудил мощный грохот.

Вскочила с кушетки и подбежала к окну. Шторм. Море огромными волнами выбрасывается на берег. Ветер дует с такой изуверской силой, что, кажется, снесёт хижину и вырвет деревья вдоль берега.

Сердце Господина давно у меня в руках. С ночи. Я даже когда спала, его прижимала к себе. Как вернулась ночью в хижину, так и не выпускаю его из рук. И вот теперь, увидев новую угрозу, хватаю плащ Господина и выскакиваю из хижины. Бегу прочь от взбешённого моря. Бегу, а сама понять не могу, почему этот рай стал таким не пригодным для жизни?

Ужасом в меня вонзается мысль, что Господин... ну, что его кровь стала совсем чёрной и он погиб — я не успела. Я не успела найти женщину, которая его полюбит. Я не успела его полюбить сама. Я ничего не успела.

Эти мысли заставляют меня бежать в замок.

Бегу, спотыкаюсь, падаю, но сердце так и продолжаю прижимать к себе. Вскоре начался проливной дождь. Я вымокла, но не продрогла. Я бежала и надеялась успеть. Успеть солгать, что я люблю Господина. Да. Я его люблю. Просто обожаю. И если это чудовище еще живо, я буду умолять его принять сердце из моих рук. Уж лучше так, чем без шанса на жизнь.

Подбежала к воротам замка, ринулась в знакомую дверь. Я даже не удивилась, что когда подбежала к двери, она сама открылась и впустила меня.

— Палач! Палач! — кричала я.

Потом я звала Пса, Паука, Кошку и даже Питона, но никто ко мне не вышел. А я шла по винтовой лестнице вверх и продолжала звать.

Поднявшись на третий этаж, обнаружила большую толпу из обитателей замка. Здесь было так много разных существ, что я на миг оробела. И лишь заметив высокую фигуру Палача, опомнилась и, не обращая внимания ни на кого другого, кинулась с криком к нему.

— Палач! Где Господин? Он жив?

Палач на меня медленно посмотрел, но отвечать не спешил. Я пробиралась к нему и не обращала внимание, что своим натиском вызываю недовольство у обитателей замка, которые были словно ожившие персонажи из сказок. Однако их я сейчас не замечала. Расталкивала и не замечала. Они не пугали меня. Они мне лишь мешали дойти до Палача. Дойти и узнать, что с Господином? Что с ним?

Лишь бы был жив.

Я буду всех заверять, что люблю его. Люблю безумно. Именно так и можно любить человека без сердца. Без ума. Да. Без ума.

— Отведи меня к Господину! Прощу, отведи меня к нему!

Палач качнул отрицательно головой.

— Не могу.

— Он жив? — с тревогой спрашиваю я. — Где он? Что с ним? Отведи меня к нему! — срываюсь на крик.

— Он... в своей спальне. Вот за этой дверью.

Указал взглядом мне на дверь. Я уже знала, что за этой дверью. Там именно та спальня,

в которой я просыпалась, когда перемещалась в этот мир.

— Но тебе туда лучше не входить.

— Что случилось? Говори! — прошу и тереблю его за рукав.

— Господин не выдержал чёрную кровь... и вскрыл себе вены.

— Он жив?

— Никто не знает. Он наложил запрет на нас. Мы не можем войти к нему.

— Запрет? То есть приказал вам к нему не заходить, и вы все покорно ждёте, когда он погибнет!?

— Нет, Ведьма, — спокойно принялся объяснять Палач, — Господин магическим заклятьем не пускает нас к себе. Ты не заметила, но никто из нас не может сдвинуться с места. Мы можем лишь пошевелить губами. Или немного отклониться. Но сдвинуться — нет.

Я посмотрела по сторонам. Действительно, все стоят почти неподвижно.

— Но я же, могу двигаться, — заглядываю Палачу в глаза. — Значит, я пойду к нему! Это наш последний шанс спасти его и себя.

— Береги себя, Ведьма...

— Не волнуйся за меня. Лучше подскажи, как вернуть сердце Господину?

— Не знаю. Ворон сказал, ты поймёшь сама. И ещё он сказал, что именно ты полюбишь Господина. Ты ведь любишь Господина? — с надеждой спрашивает Палач.

— Очень! — с какой-то неприсущей мне злобой говорю я, но заметив недоверие в глазах Палача, добавляю, — Я ещё никого так не любила, как вашего Господина. Уж поверь мне.

Да, я опять нагло вру. Но разве меня в этом можно сейчас упрекнуть? Если не я, то кто передаст сердце? Русалка? Вряд ли. Она не женщина, к тому же лишь тело Господина ублажала. И о любви речи не шло.

А вот я не только о его теле позабочусь, но и о... Кого я обманываю? Себя? Палача? Может, вот этого странного гномоподобного толстяка? Или вон ту маленькую фею, что даже крыльшками не может взмахнуть?

Пожалуй, их я обману, но как убедить Господина?

Не знаю как, но я уже вхожу в спальню.

Дверь скрипнула, я вошла.

Здесь теперь не так много света, как раньше. Повсюду витает белёсая дымка, как если бы был туман.

— Господин!

Он мне не отвечает. Иду по памяти к кровати. И вскоре обнаруживаю Господина. Он лежит. Глаза закрыты. Руки в чёрной крови, постель тоже пропитана ею. Голое мужское тело едва прикрыто простынёй. Но я не могу не заметить, какой Господин красивый. На мой взгляд, его тело безупречно. Именно это тело ночью меня ласкало и хотело. Я помню все его прикосновения. Помню смелость рук, губ. Помню и сжимаюсь от боли, понимая, что из тела Господина на моих глазах вытекает жизнь — черная кровь. Она уносит его силы. И пусть душа Господина изуродована отсутствием в теле сердца, но с утратой крови, пусть даже такой чёрной, как нефть, душа отделится от тела и наступит гибель. Его смерть.

— Господин... — зову, а сама подсаживаюсь рядом с ним на постель. — Господин, так нельзя. Вы не должны были этого делать.

Он медленно открывает глаза и смотрит затуманенным взглядом на меня.

— Ведьма?

— Да, мой Господин.

— Что ты тут делаешь?

— Пришла вернуть то, что принадлежит по праву Вам?

Он смотрит, как я разворачиваю шарф и извлекаю сердце. Оно уже омыто дождём и от этого сверкает гранями, как хрусталь.

— Что это? — спрашивает, а сам напрягается так, что рука, которая была ближе ко мне, задрожала. — Убери его. Оно мне больше не нужно.

— Оно нужно мне, — мягким голосом говорю я. — Мне и всем обитателям замка. Нам всем нужно, чтобы сердце было у Вас в груди. Чтобы Вы были, как раньше. Уж не знаю, каким Вы были раньше, но то, что я вижу сейчас, не устраивает даже меня. Вы злой, грубый. И мне не нравится это.

— Ведьма, ты не сможешь мне помочь. Я не смогу помочь тебе. Я же понимаю, что ты всё это делаешь ради своего возвращения. Но ты обречена погибнуть вместе с нами.

— Вы поистине чудовище. Как можно вот так? Себе вены вскрыл и тянет всех на верную гибель. Я не позволю так издеваться над Вашими подданными. Хотите умереть? Только после того, как замок обретёт нового хозяина, способного оградить от северных ветров.

— У меня нет наследника. И уже не будет.

— Вы сами в этом виноваты. Нельзя было жить без сердца. Вы обязаны были позаботиться о продолжении рода. Вы обязаны были не опускать руки и бороться за свою жизнь.

— Ради своих подданных?

— В первую очередь, ради себя.

Усмехнулся и отвернулся от меня.

Кровь вытекала из него медленно. Она очень густая. Вязкость её настолько велика, что кровь не капает, она тянется словно застывающий битум. И чем дальше она от вскрытых вен Господина, тем твёрже становится.

Не могла я видеть, как она появляется из открытых ран. Положила сердце себе на колени и, порвав шарф на два одинаковых куска ткани, принялась накладывать повязку.

Господин пытался оттолкнуть меня и не позволить завладеть его запястьем, но я сейчас была сильнее его. И вскоре перевязала раны. Ему это не нравилось. Но сил на сопротивление в нем было слишком мало, и он обречённо затих.

— Не смейте умирать!

— Если я выживу, — хриплым голосом, прорычал он, — я первым делом тебя...

— Да, да, — равнодушно перебила его. — Я помню про Ваше желание меня убить. Но мне всё равно. Если я Вас спасу, то спасу и всех обитателей замка. А уж из них кто-нибудь позаботится, чтобы я не пострадала от Ваших рук. Поэтому угрожайте своим подданным. Но не мне. Я слишком устала от Вашей агрессии, чтобы сейчас реагировать на неё. Вы вот лучше мне объясните, как мне вложить Вам сердце в грудь? Нужна магия? Я ничего такого не умею. Помогите мне, и тогда у Вас будет шанс отомстить за то, что я ослушалась и вернулась в замок.

— Не стану я тебе помогать. Убирайся, пока не наслал на тебя заклятие и не превратил в статую.

— Вот только пугать не надо. Я же понимаю, что Ваши заклятия на меня не действуют.

— Именно поэтому ты такая смелая?

— Если бы Вы не выкинули меня за Северный мост, а пообщались со мной, не пугая Питоном и Пауком, то знали бы, я очень деликатная. И крайне редко на хамство отвечаю хамством. Так что можете угрожать сколько угодно, я же вижу, что Вы сейчас не представляете для меня угрозу. Физически Вы настолько слабы, что не сможете руку поднять.

— А ты этим пользуешься.

— Вы сами в этом виноваты.

Я хорохорилась, и изображала чрезмерную лёгкость, но на самом деле сидеть рядом с умирающим Господином мне было больно. Сердце моё разрывалось от сострадания к нему. Сейчас, когда он слаб, хотелось мне его коснуться. Как если бы через это касание, я могла поделиться с ним своей силой. Своей жизнью. Странно, но я готова была отдать часть себя этому постороннему человеку, лишь бы только он не умер.

Но как вернуть ему сердце?

Внимательно посмотрела на сердце. На Господина...

«И помни, никому не позволяй прикасаться к сердцу Господина», вспомнила я слова Палача.

Медленно взяла одну руку Господина, потом вторую и своими руками поднесла мужские ладони к сердцу. Почувствовала лёгкое сопротивление, быстро посмотрела в глаза Господину. Встревожен.

Его руки в моих задрожали.

— Не делай этого... — едва шепчет.

В комнате становится совсем темно. Лишь только тусклый свет, идущий от сердца, как от свечи, освещает наши руки.

— Простите, Господин, я не знаю, как иначе.

Резко прижимаю его ладони к сердцу. Меня прошивает током. Яркий свет ослепляет. Я ничего больше не вижу. Чувствую мужские руки в своих руках. И сильную слабость. Я словно проводник. Вот уже и мои руки начинают дрожать. Но я продолжаю прижимать руки Господина к сердцу. И вдруг в моих руках возникает пустота. Не понимаю, то ли его руки с сердцем исчезли, то ли меня отбросило в сторону.

Всё как в тумане.

Глава одиннадцатая

Я резко просыпаюсь. Меня трясёт сильный озноб. Моя ночная рубашка мокрая, местами изорвана и грязная. На ней видны следы моего падения на землю, на траву, когда я бежала в замок.

Посмотрела на свои дрожащие руки. Они испачканы. Это кровь Господина.

Хоть бы я его не убила своим поступком.

Хоть бы я всё правильно сделала.

Пытаюсь подняться с постели, но бессильно падаю на пол и ещё долго там лежу. Сил во мне мало. Но я не засыпаю. Просто лежу и думаю. Думаю, что если меня перенесло в мой мир, значит, есть вероятность, что я вернула сердце Господину. И если это так, то он не умрёт. Он будет жить, он уберёжёт замок от северных ветров.

Последующие ночи я никуда не перемещалась. Меня это очень тревожило. Я понимала, что это может означать — сердце вернулось к Господину. Но иногда меня накрывала паника, и я изводилась в истерике, а вдруг я не перемещаюсь потому, что больше нет ни замка, ни Господина, ни Палача, ни кого-либо другого из обитателей замка.

Моё невротическое состояние отразилось на работе. Я часто опаздывала. На работе зачастую занималась чем угодно, но не работой. Вечерами подолгу бродила по парку. Искала Ворона. Он был первым звеном в этой цепочке событий, вывернувших мою душу.

Единственное, что я не бросила, это писать книги. За те три недели, что прошли с момента моего возвращения из мира Господина, я каждую ночь проводила у монитора. Писала о чужих трагедиях, но ни слова о Господине. Его мир остался в моих снах, из которых я выбиралась едва живой. Но именно эти воспоминания мне грели душу. Я тосковала. И сидя у монитора по ночам, часто беззвучно плакала.

Мне не хватало его. Того мужчины, сердце которого я держала в своих руках. Это было неприятно осознавать, но я прикипела к нему. И после того, как наши руки держали его сердце, я вместе с сердцем отдала ему и часть себя. Взамен же ничего не взяла. Не попросила.

И теперь рвалась по ночам к нему. Разбивалась о пустые сны. И с израненной, осиротевшей душой, просыпалась в холодном поту. И так каждую ночь.

Зоя допытывалась, что случилось со мной. Я отнекивалась, но ситуация постепенно усугублялась, и однажды я призналась. Рассказала ей почти правду.

— Алла, ну расскажи, по ком ты так изводишься?

— Тебе действительно это интересно?

— Очень.

Я отложила папку с документами и посмотрела на подругу.

— Не знаю с чего начать.

— Начни с простого, — решила помочь мне подруга. — Начни с его имени. Возраста. Места работы.

Усмехнулась я и посмотрела в окно. С простого... я же ничего не могу сказать подруге. Она меня за психически ненормальную сочтёт.

— Зося, у него, можно сказать, нет места работы. Возраст его доподлинно не знаю. Не стар, не юн.

— Ну, а имя?

— Вот с именем совсем всё сложно.

— Так, — напряглась подруга, — а как ты с ним познакомилась? И вообще, чего ты так сохнешь по нему? У тебя с ним что-то конкретное было?

— И было, и нет. Он хотел, а я тогда вообще его не хотела. Я испугалась, что он меня против воли...

— Он пытался тебя изнасиловать? — вытаращилась на меня подруга.

— Ну...

— Ты в своём уме!? Тебя хотел изнасиловать какой-то хрен, о котором ты ничего не знаешь, а ты теперь страдаешь по нему! Алка, тебе срочно нужен нормальный мужик!

— Я не хочу нормального. Мне псих задал в душу. Тот, кто меня ведьмой обзывал и грозился убить, если снова покажусь ему на глаза. Тот, кто меня едва не изнасиловал, но который целовал и ласкал, словно свою драгоценную собственность. Как если бы я была его по праву. И моё мнение его не интересовало. Он желал меня, и это была достаточная причина для близости между нами. Да, он жёсткий на слова. Но негрубый. Особенно его руки, они ласковые. Нежные. И я точно знаю, он ломался, когда причинял мне страдания... Зося, но самое странное в этой ситуации то, что я, совершенно не помню его лицо. Даже не помню, какого цвета у него глаза, волосы. Представляешь? Я мучаюсь, вспоминая, а вспомнить не могу. Вот его слова, прикосновения — это всё очень четко врезалось в меня. Но не его внешность. Хотя помню, он мне понравился. Не с первого взгляда, но понравился. Ты не думай, я не пьяная была. Вернее в начале «да», но потом-то трезвая, как стёклышко. А всё равно, воспоминания затуманены. Я надеялась, что успокоюсь и перестану думать о нём, а меня, наоборот, с каждым днём, с каждой ночью, всё больше и больше разрывают изнутри тревоги и мучительные мысли о нём.

Зося закурила. Раньше она никогда не курила в кабинете, а вот сейчас, услышав мои слова, разнервничалась и закурила свои любимые тонкие сигаретки. Она меня не перебивала. И я была благодарна ей за это. Поэтому продолжила говорить.

— Зося, ты, пожалуйста, не подумай, что я чокнулась. Я в него не влюбилась. Но тоскую. И мне очень нужно знать, что с ним всё хорошо. Что он жив. Просто жив... Он и все обитатели его дома.

— Обитатели? — тихо спросила Зося. — Ты была у него дома?

— Была.

— Он тебя к себе домой приводил?

— Нет. Он... Зося, давай я тебе потом всё расскажу? Потом, когда эти воспоминания перестанут быть такими болезненными.

— Хорошо. Я только понять не могу, если ты была у него дома, чего ты тогда не можешь пойти и узнать, как у него дела? Гордость мешает? Или у него жена есть?

— Нет! Жены нет. Любовница есть, а жены нет.

— Не понимаю, — ещё больше растерялась подруга. — Если у него есть любовница и ты о ней знаешь, зачем он тебе нужен? Зачем ему нужна ты?

— Я ему не нужна, тут ты права. Да и он мне не нужен. Я лишь хочу знать, что он жив.

— Ему угрожала опасность?

— Да.

— И ты его спасла?

— Или убила.

Теперь и я потянулась за тонкой сигаретой из Зосиной пачки.

Мы курили и пили кофе. О работе больше речи не шло. Несколько раз мимо нашего кабинета пробежали встревоженные сотрудники. Они искоса на нас поглядывали. Наиболее смелые делали нам замечания. Некоторые, заведя наш пофигизм, крутили пальцем у виска.

Но больше всего меня порадовал программист Мишка. Он последние деньки дорабатывал в фирме. Его уже ждало хорошее место в филиале какого-то крупного банка. Поэтому он не держался за своё место здесь и искренне обрадовался, увидев таких же, как он, свободных духом людей.

— О! Девчонки, а вы чего балду пинаете? Что, уже везде свои резолюции наложили и теперь не знаете чем заняться?

Мишка не вникал, за что отвечаем мы и полагал, что я с Зосей лишь распоряжения давали нижестоящим менеджерам. Отчасти он был прав. Хотя за последний месяц половину сотрудников уволили, поэтому мы с Зосей тянули на себе работу, за которую раньше отвечали несколько менеджеров. Но если учесть, что новых контрактов никто не заключал, то работы было немного.

Мы с работой, в принципе, справлялись. Вот только сегодня наш пухленький генеральный сообщил, фирма больше не его. Он нас передал новому руководству. И кому пендаля дадут, кого оставят, теперь будет решать новый собственник, команда которого прибудет завтра.

— Мишка! — обрадовалась Зося. — Присоединяйся к нам!

— Курить? — спросил Мишка, входя в кабинет.

— И пить! — указала она на чашку кофе.

— А как насчёт чего-нибудь покрепче? — улыбнувшись, Мишка подмигнул мне и небрежно провел рукой, поправляя свои светлые волосы.

Последующие события приобрели высоко-градусный оборот, в виде коньячка. Позже к нам присоединилась бухгалтерия полным составом. Девочки принесли с собой ещё выпивку и дело у нас пошло. Кто-то заказал пиццу и вскоре мы не только пили, но и ели.

Зося через компьютер врубила музыку, и пьянка медленно переросла в дискотЭку. Скучный мужской коллектив мы пополнили из гос. резерва, что томился на складе. Грузчики обалдели от той возможности прохалтурить, что с нашей лёгкой подачи поддержала глав. бух, которая давно поглядывала на зав. складом.

Все понимали, что это наш последний корпоратив. Наступит завтра, и многие уйдут отсюда навсегда. Но всё это будет завтра. А сегодня мы прощались с остатками фирмы, в которой проработали столько лет. Я, например, здесь начала работать ещё при первом муже. Так что, можно сказать, я старейший работник. Мои браки разваливались, а я продолжала трудиться на благо Анатолия Вадимовича, который так предательски от нас избавился. Он даже объяснять ничего не стал. Просто велел своему заму объявить о сложившейся ситуации.

И тем обиднее была ситуация, что мы все давно получали зарплату чёрным налом. То есть теоретически — нас нет. И никто не будет нам компенсировать увольнения. Поскольку мы уже давно официально не работаем здесь.

То есть для нового руководства, мы шайка непонятно кого, кто забрёл и сидит по кабинетам и на складе. А раз так, то и никого не испугать санкциями. Премии, всё равно, нас лишили. Об отпуске по графику тоже можно забыть.

Произвол?

Нет. Так полстраны живёт. Не всем же повезло хорошо трудоустроиться. Вот поэтому мы и гуляли сейчас.

Пир во время чумы.

Везунчики уже подыскали себе новую работу. Другим только предстояло это. И совсем немногие надеялись, что им предложат остаться. Что они приобретут официальный статус своей работы. И продолжат свои трудовые подвиги без смены дислокации.

Я вообще ни о чём не думала. Месяц назад я бы рвала и метала. Я бы смогла понравиться, как сотрудник, новому руководству, и сохранила за собой место. Но сейчас... Я лишь пить и танцевать хотела. Хотела и делала.

И именно поэтому я не сразу заметила, почему остальные сотрудники внезапно перестали поддерживать мой кураж и больше не аплодируют мне.

Почему мне?

Ну, а кто ещё сейчас танцует на столе? Только я.

Неожиданно отключили музыку, и я услышала одиночные хлопки, со стороны дверей. Перестала танцевать и посмотрела в сторону, откуда шли столь скупые аплодисменты мне.

В дверях стоял Анатолий Вадимович, наш бывший директор, который так любил, когда его называли генеральным, и ещё двое мужчин. Их я не знала. Но по смущённой физиономии «генерального» поняла, что эти ребята из новой команды. Может даже, кто-то из них новый «генеральный».

Я даже не стала слезать со стола. Откланялась ошарашенной публике, которая сочувственно на меня смотрела и полезла в карман за сотовым телефоном, чтобы позвонить. Многих моё поведение удивило, но все монолитно молчали и ждали продолжения.

— Алло, будьте любезны, машину. Пишите адрес.

Я продиктовала оператору службы такси адрес и стала спускаться со стола. Миша меня поддержал и помог благополучно спуститься. Я его за это, на глазах у всех, поцеловала в губы и, прихватив сумочку, двинулась в сторону выхода из кабинета.

Но тельце бывшего начальства преградило мне путь.

— Алла Аркадьевна, я хотел бы вас представить...

Не дала я ему договорить. Нагло перебила. Меня смешила официальность его тона. Раньше я для него была просто Алла. И надо же он вспомнил, что отчество есть не только у него.

— Меня и представить!? Меня не надо представлять! Я не хочу быть объектом Ваших фантазий. И вообще, то, что Вы сделали с фирмой, я Вам никогда не прощу. Так нагло убивать... это безбожно.

— Вы забываетесь! — кричит он мне в лицо.

— Вам нужно было давно от меня избавиться, чтобы я не отследила, как вы пошагово доводите до разорения хороший бизнес. Озолотились? Денег хватит, чтобы с Лариской на Карибы слетать? Нет? Вы не переживайте, жене вашей я ничего не скажу. Она и сама всё поймёт, когда вы весь такой загорелый прилетите с отдыха.

От оплеухи меня спасает чья-то большая сильная рука, которая перехватывает занесённую на меня пухленькую ручку Анатолия Вадимовича.

— Рома, быстро её в мою машину!

Слышу я голос незнакомого мужчины, которому меня мой бывший директор хотел представить.

Я сопротивляюсь, но моё мнение никого не интересует. Мужчина крупного телосложения легко оттесняет меня от бывших коллег. Вскоре я оказываюсь у него на руках. И меня бесцеремонно несут в сторону лифта.

Зоя и ещё кто-то возмущаются, но их порыв быстро охлаждают. Идет тихая беседа, которую я уже не слышу.

— Учтите! — предупреждаю я того, кто меня вносит в лифт. — Когда я протрезвею, на всех вас в суд подам. За похищение!

Ответа не последовало. Но мне позволили встать на ноги.

— И ещё! — градус спирта во мне требовал продолжения шоу. — Я в машины к незнакомым мужикам не сажусь.

Лифт открылся на первом этаже, и я рванула в сторону женского туалета. Удивительно, но мне удалось заскочить и прикрыть за собой дверь.

— Что! Не ожидал! — кричала я за закрытой дверью.

— Алла Аркадьевна, не дурите. Выходите по-хорошему.

— По-хорошему будет завтра. Когда я протрезвею, и Ваш босс меня пригласит в кабинет. А вот так я не хочу. Так и передайте ему.

Посмотрела по сторонам. Так и есть, окно приоткрыто, и через него можно выбраться на улицу.

Выбираюсь. И бегу к подъезжающему такси.

Мой побег ещё долго будет поводом для шуток, но я побеждаю в этой битве за свободу. А, как известно, победителей не судят.

Глава двенадцатая

Телефон мой не раскаляется от звонков. В дверь тоже никто не ломится.

Странно, но до самого утра я никому не нужна.

А вот утром мне позвонили с неизвестного номера.

— Алло, Алла Аркадьевна, меня зовут Александр Егорович Ромашов. Вчера Вы не пожелали пройти в мою машину для беседы. Может, сегодня у Вас появится возможность переговорить со мной? Меня очень заинтересовало Ваше заявление, в котором Вы обвинили Анатолия Вадимовича Колганова в умышленном банкротстве фирмы, сотрудником которой Вы являетесь.

Мой пробуждающийся разум лихорадочно анализировал слова, сказанные неизвестным мне Ромашовым.

— Я не являюсь сотрудником фирмы, руководителем которой в недавнем прошлом был Колганов. Официально я — безработная. Меня уволили пару недель назад.

На что получаю новый блок данных, который мне ещё предстоит проанализировать:

— Со вчерашнего дня Вы вновь приняты на работу.

— Принята? Уж не Вами ли?

— Мной.

— Очень странно. Надеюсь, моё выступление в подвыпившем состоянии в офисе на столе не было основной причиной моего трудоустройства?

— Нет, — сухо ответил голос в трубке.

Мне такого ответа было недостаточно.

— И что, Вы вот так просто меня приняли на работу, даже не проведя со мной собеседование?

— У нас ещё будут поводы для бесед.

Этот ответ мне тем более не понравился. Уж не знаю, о чём он говорит, а вот я сейчас накручиваю себя по полной программе. Виной, конечно, голос, который меня раздражает и нервирует. Просто бесит. Может, для другого человека, голос, который я слышу сейчас из трубки, очень привлекателен. Может, он сексуален. Может, просто хорошо поставленный голос уверенного в себе человека.

Но для меня это был голос — резак! Он резал меня изнутри.

— Вы готовы со мной встретиться? — после паузы повторяет он своё предложение.

— Нет. Ну, то есть, не прямо сейчас.

— Я понимаю. Через два часа мой водитель Вас будет ждать у Вашего подъезда. Водителя зовут Рома.

— Хорошо. Я буду готова через два часа.

Ровно через два часа, я была в полной боевой готовности и выходила из подъезда. Стильный деловой брючный костюм. Лёгкий макияж. Волосы стянуты узлом. Деловая леди, как минимум. Но мой план был не в том, чтобы покорить новое начальство. Я хотела блеснуть напоследок. И решила умыть всех и бывших, и новых «генеральных».

Сегодня, после звонка Ромашова, я подсчитала свои финансовые возможности и поняла, что могу себе подарить недельку на море. Признаюсь, в тот момент мне очень хотелось

попасть на море. И ещё я поняла, что сойду с ума, если останусь в этом городе. На этой работе. Поэтому первым шагом в моём мега проекте по изменению жизни было — красиво уволиться.

У подъезда меня ждала шикарная машина. Вся чёрная. Даже окна тонированы. Водитель в чёрном костюме стоит у задней пассажирской двери. Завидев меня, вытягивается. Поклоном головы здоровается со мной и открывает дверцу машины.

Я, конечно же, узнаю этого Рому. Именно он меня вчера на руках внёс в лифт. Но вида я не показываю. О былом общении не напоминаю.

Что с меня взять?

То было вчера и по хмельному настрою. Сегодня я другая. Молчаливая и покорная. Вот я уже присаживаюсь на заднее сидение и жду, когда Рома закроет дверцу, займёт водительское кресло, и мы поедem.

Но непонятные манёвры и странная схема проезда до нашего офиса, меня вынудили подать голос:

— А куда мы едем?

— В офис к Александру Егоровичу.

— А... — многозначительно произнесла я, эмитируя осведомлённость в вопросе места офиса Александра Егоровича.

Спустя несколько светофоров я не выдерживаю и задаю вопрос, который меня давно беспокоит:

— Рома, а Александр Егорович, он кто? В смысле, какое отношение он имеет к фирме, в которой я работала?

— Александр Егорович временно назначен на должность вашего нового директора.

— Внешний управляющий?

— Да. На период реанимирования фирмы.

— А кто истинный владелец?

Рома на меня недоверчиво посмотрел через зеркало и ничего не ответил.

— Что? Гос. тайна? — выиграло во мне любопытство.

После паузы он всё же признался:

— Я не владею точными данными. Единственное знаю, что он живёт в Финляндии.

— Финн?

— Не знаю. По-русски он говорит хорошо.

— Что ж, будет весело теперь. Хотя, признаюсь, мне уже всё равно.

Рома вновь мельком на меня посмотрел через зеркало. Но ничего не спросил. И хотя он был похож на орка, я его не боялась. Что само по себе было странно.

Через несколько минут мы подъехали к самой «звездной» гостинице города, что была почти в центре. Я в этой гостинице никогда не была, и понятия не имела, что скрывается за дверьми, рядом с которыми стоял в сказочно красивом смокинге дворецкий. Но даже если предположить, что каким-то образом Ромашов снимает здесь номер, то причём тут его офис?

Рома помог мне выйти из машины и указал на высокие двухстворчатые белые двери гостиницы. Дворецкий потянулся к двери, я покосилась на Рому.

— Я сейчас не совсем поняла. Мы зачем сюда приехали? — спросила я.

Рома попытался меня легонько увлечь в нужную ему сторону, но я прижалась к машине.

— Это жегостиница. Я не пойду туда. Офис — есть офис. А гостиничный номер, этс

совсем другое дело. Я не знаю как там, в Финляндии, я там не была, но в нашем провинциальном захолустье не принято, чтобы женщины посещали незнакомых мужчин, проживающих в гостиничных номерах.

— Ясно, — он почему-то улыбнулся. Достал телефон и позвонил. — Алло, Александр Егорович, мы на месте. Вот только Алла Аркадьевна не желает входить в здание. Её смущает перспектива оказаться в гостиничном номере с неизвестным мужчиной.

Вот, гад. Ещё и потешается надо мной. Неужели я действительно забавно себя веду? Это обычные меры предосторожности. И вообще, это им нужна встреча, а не мне.

— Я всё понял. — Рома отключил телефон, закинул его в карман, и не глядя на меня, произнёс, — Александр Егорович ожидает нас в ресторане гостиницы. Пройдёмте вовнутрь?

Ресторан. Это уже лучше. Но всё равно настроение у меня ухудшилось. Я уже жалела, что вообще согласилась на эту встречу. Мне ничего от фирмы не нужно. С работой я распрощалась. Премии, и всевозможные денежные бонусы меня не интересовали. Устала я. И ничего не ожидала от этой встречи. Рассказать, как Анатолий Вадимович срывал сделки? Умышленно изменял даты поставок заказанных товаров, и не соблюдал элементарные договорённости с поставщиками? Зачем? Из общения с клиентами и поставщиками любой здравомыслящий человек поймёт, что и когда было сделано бывшим «генеральным», чтобы доконать фирму. Мои наблюдения лишь ускорят процесс вынесения приговора бывшему руководителю. Вот только я понять не могла — Ромашову всё это зачем? Ему-то какая разница, что было до него? Его задача выровнять положения дел и отбуксировать бизнес в тихую гавань, чтобы передать господину из Финляндии.

Господину?

Я ужаснулась. И чего, спрашивается, так реагирую на это слово?

В результате, не доходя до дверей гостиницы, споткнулась на ровном месте. Меня поддержал Рома и удержал от падения. Но каблук я всё же умудрилась сломать.

Выругалась. Идти дальше возможности не было.

— Рома, я, пожалуй, дальше не пойду. Передай своему боссу мои извинения, но сегодня я с ним не смогу встретиться.

— Сломанный каблук не повод для отмены встречи.

Я даже ойкнуть не успела, Рома меня подхватил на руки и понёс в гостиницу.

— Отпусти меня! — вопила я. — Это неприлично.

Но, кажется, этому Роме было всё равно, что прилично, что нет. Он нёс меня, как трофей. Мы прошли парадные двери, оказались в огромном холле, но там не задержались. Рома меня понёс в сторону лифта. К нам никто из обслуживающего персонала не подошёл. Не сделал замечаний и не поинтересовался целью нашего визита. Из чего я сделала вывод:

Либо Рома тут частый гость, либо его уверенная походка, и «дружелюбная» физиономия громилы отпугнула охрану.

Мы оказались в лифте.

— Рома, лучше отпусти меня.

— Чтобы ты опять сбежала?

Я не ответила. Оправдываться не хотелось, а вырываться тем более. Ну, хочется ему меня на руках поносить — пусть носит. В конце концов, когда ещё выпадет шанс побывать на руках у мужчины. И пусть такого угловатого. А всё же мужчины, к тому же нестарого.

Дверцы открылись, меня вынесли из лифта и понесли в неизвестном направлении. Как оказалось, конечный пункт был действительно ресторан. Но он был пуст, точнее, закрыт на

спец. обслуживание. И я так полагаю, мы с Ромой были из числа персон, приглашённых на это закрытое мероприятие. Двери из красного дерева перед нами открыли, и Рома меня внёс. Поставил на красный ковёр, отошёл на шаг назад и замер. Я посмотрела по сторонам. Красиво. Высокие потолки. Хрустальные люстры. Едва слышна музыка.

За дальним столиком сидит мужчина. Его лицо я не могу отсюда рассмотреть. Вижу только, что мужчина одет в тёмный костюм. Читает какие-то документы, которые держит в руках.

И тут меня начинает охватывать странное чувство дежавю.

Запахи. И звуки, их я уже слышала, но не этой музыки, а те, другие, которые доносятся откуда-то издалека. Звуки птиц. Райских птиц. Щebetание. И журчание фонтана.

И все чувства — едва уловимы. Они ненавязчивы. Я вдыхаю их, как воздух, чтобы жить. Но они ускользают, и я снова и снова изучаю пространство вокруг себя, чтобы понять, что происходит. Но ответ найти не могу. Вернее, могу — но он меня пугает. Он невероятен. А я продолжаю хвататься за надежду, за свои ощущения, как за соломинку. Но понять ничего не могу.

Внезапно перед глазами темнеет, и я словно погружаюсь в облако. Теплое, мягкое. Во всём теле невесомость.

Глава тринадцатая

— Алла Аркадьевна! — зовет меня кто-то.

Голос приглушенный. Единственное, что понимаю через пелену беспамятства — голос мужской.

— Очнитесь!

Что-то мокрое и холодное прикасается к моему лицу. На это прикосновение, я отвечаю лишь невнятным протестом. Но когда мокрое нечто коснулось моей шеи, и стало опускаться ниже, вот тут я дернулась, но глаза так и не смогла открыть.

— Не смейте меня раздевать, — пробормотала я и накрыла своей ладонью мужскую руку, которая пыталась расстегнуть пуговицы блузки у меня на груди.

— Алла Аркадьевна, прошу, вернитесь к нам.

Открываю глаза. Несколько раз моргаю и упираюсь взглядом в мужское лицо. Точнее в глаза. Красивые выразительные серые глаза.

— С возвращением, — улыбается мужчина и бесцеремонно касается моей щеки своей ладонью.

— Здравствуйте, — запнувшись, проговариваю я.

Что-либо другое сейчас сказать не смогу. Растерялась. Что там скрывать, я обалдела. Красивый мужчина продолжает касаться моего лица. Он заправил выбившуюся прядь волос, мне за ушко. И этим жестом невольно коснулся моего уха. Но на этом не остановился и провёл рукой по шее. Другую его руку я всё ещё прижимаю рукой к своей груди. Попытка расстегнуть мою блузку предотвращена, но интимность момента от этого, ни как не уменьшилась.

Я лежу на диванчике. Мужчина сидит на этом же самом диванчике. Но с каждой секундой всё сильнее и сильнее склоняется надо мной. Расстояние между нашими губами сокращается. Ситуация странная, если не сказать больше.

Но сил на вопросы у меня нет. Как под гипнозом продолжаю покорно лежать и ждать.

Вот только чего? Его поцелуя? Странно, именно его.

— Чего же ты вчера от меня сбежала? — внезапно переходит он на «ты».

Мило улыбается. Его ситуация забавляет.

Я растерянно молчу.

— Но танец на столе мне понравился. Вот если бы ты после не поцеловала, того блондина, я пожалуй, был бы даже в восторге от твоего поведения. А так, ты меня расстроила. Не целуйся больше на моих глазах ни с кем. Договорились?

Мычу. Испуганно мычу и киваю. Оглядываюсь по сторонам. Ромы нет. Ресторан пуст. Здесь только я и этот странный... хотела сказать, господин. Но слово это мне не нравится, и я заставляю себя думать об этом мужчине, как о странном типе.

И всё же у меня нет желания вырваться и убежать. Подсознательно я чувствую, что уже прибежала туда, куда давно хотела. И моя душа радуется, что, наконец, обрела приют.

Не выдерживаю и задаю вопрос, ответ на который расставит всё на свои места:

— Господин, это Вы?

Теперь молчит он. Делает глубокий вдох, задерживает дыхание и незаметно выдыхает.

И не говоря ни слова, нежно целует меня. А после шепчет мне в ушко:

— Я рад, что ты меня узнала. Ты сама должна была понять, кто я. В противном случае, это бы означало, что ты не нуждаешься во мне.

— Вы живы... — всё ещё не верю до конца и растерянно смотрю на него. — Я очень переживала за Вас. Я боялась, что убила Вас.

Обхватываю его лицо руками и начинаю разглядывать. Тонкие губы. Прямой нос. Волевой подбородок. Каштановые волосы.

Как же я могла забыть, как он выглядит?

— А почему Вы здесь? — спрашиваю я.

— Это теперь мой дом. Я заключил сделку с хозяином северных земель, и он помог мне открыть портал к тебе.

— Сделку? И в чём её суть?

— Я обещал моему дяде, хозяину северных земель, обзавестись наследником. Поможешь?

— Найти Вам жену?

— Родить мне наследника, — улыбается и гладит меня по руке.

А у меня голова кругом пошла:

«Что он говорит? Что он предлагает? Кокой наследник? Почему его родить должна я?»

Руки затряслись и на глаза выступили слёзы.

— Опять ты дрожишь. Напугал тебя?

Кивнула.

— Не бойся меня, — крепче взял меня за руку. Поднёс к своим губам и прижал для поцелуя. Целует мою руку, а сам смотрит мне в глаза. И вижу же, что у него у самого в глазах затаились слёзы. Они не прольются, но они есть. Я же их вижу!

— Я давно тебя не боюсь, — тихо ему признаюсь. — Я лишь боюсь, что всё это мне снится.

Прижал меня к себе. И поцеловал в губы. А я и не сопротивляюсь. Обхватила за шею и не позволила прервать поцелуй. Я слишком долго этого ждала. Я слишком долго жила без своего Господина.

И будем мы жить долго и счастливо (вместо эпилога)

Жили на два мира.

Родители удивляются, почему у меня такие затяжные командировки в тёплые страны. Зося завидует и одновременно радуется за меня. Она считает, что именно благодаря роману с новым начальством, я месяцами пропадаю за границей. Но, даже не смотря на то, что нас с Александром Егоровичем практически не бывает на рабочем месте, дела на фирме вскоре наладились.

Почти все сотрудники сохранили свои рабочие места. Лишь только программист Миша покинул фирму. Я понимала, что причина не столько в желании Миши работать в банке, сколько в нежелании господина Ромашова видеть среди сотрудников лицо этого симпатичного паренька. Не стала я оправдываться. Улыбнулась и пожалала плечами. Ревность не поддаётся логике. И если Господину взбрело в голову ревновать, то пусть потешит своё самолюбие карательными мерами.

Но не напомнить ему о Русалке я не смогла:

— Мой Господин, я хотела спросить, а русалки водятся в водах наших владений?

— Русалки? — смутился Господин. — Не знаю. Может, уже и не водятся. Последний раз я видел одну из них ещё до того, как ты вернула мне сердце.

Он пристально посмотрел мне в глаза. И мы оба улыбнулись.

Меня больше никто не называл Ведьмой. Теперь все обитатели замка звали меня Госпожа. Да и как иначе называть женщину, которая подарила Господину сердце? Которая согласилась стать его женой. Стать матерью его детей. Только Госпожа.

Меня не смущает, что я не могу похвастаться подругам и родителям своим роскошным домом. Я настолько рада, что в моей жизни появился Господин, способный удовлетворить любой мой каприз, не говоря уже о потребностях, что готова закрыть глаза на некоторые неудобства.

Я живу с Господином. Живу ради него. Я люблю его и любима им. И это не нуждается в проверках и доказательствах. Мы слишком долго жили без счастья, чтобы обрета его, подвергать испытаниям и сомнениям. Мы наше счастье оберегаем. Защищаем его от любых нападков извне. Наверное, именно поэтому редко посещаем реальный мир.

В верхней комнате башни (в бывшей кладовке) я обустроила себе уютный кабинет и именно здесь пишу свои книги, которые потом, переместившись в реальный мир, выкладываю в Интернет. Сейчас я нахожусь именно здесь, в своём кабинете. Я глажу Кошку, которая полюбила спать у меня на коленях. Она мурчит. Паук, мой другой мохнатый любимчик, висит под потолком и усердно вяжет очередную тёпленькую одежду для меня.

А где-то там, за снами, реальный мир. Мир, который не так уж и плох, но который не смог подарить мне любимого мужчину. Именно поэтому я здесь — в замке Господина, мужчины, который для меня является вселенной.

Его мир, стал моим миром. Здесь закаты и рассветы я не встречаю в одиночестве. Здесь ночи провожу не в холодной постели. Здесь огонь двух сердец дарит счастье и надежду на бессмертие.

